

Сущностная структура Национал-Социализма

Альфред Розенберг

Перевод выполнен Независимым Сообществом «Нац.-Соц. Рутения» 2023 год

Сущностная структура Национал-Социализма

**Основы
немецкого Возрождения**

Альфред Розенберг

1933

Издательство Франца Эхера., Мюнхен

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЖЕРТВАМ
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ
ЗА ГРЯДУЩИЙ РАЙХ

Содержание

1. Предпосылки
2. Расовая философия и государственное устройство
3. Внешняя политика и экономическая этика
4. Мировоззрение, религия, политика
5. Возрождение нравственности
6. Символы жизни
7. Приложение (Программа)

1. Предпосылки.

Огромный рост Национал-Социалистического движения вызывает недоумение и страх у миллионов людей. Поэтому представители идей, существовавших до 1914 года, и сторонники господствующих сегодня идеологических и политических систем пытаются "объяснить" своим оставшимся последователям этот рост некогда осмеянного, а теперь справедливо опасющегося явления, причем объяснить так, чтобы по возможности снять гипнотическое влияние новой идеи с их верующих. Для этого используются такие "временные явления", как экономические трудности и торговый застой, чтобы провозгласить исчезновение Национал-Социалистического "феномена болезни" и пообещать, что в будущем наступят лучшие времена. Все эти критики Национал-Социализма упускают из виду, что эти великие кризисы нашего времени сами по себе являются признаками болезни, симптомами самого страшного рода, внешними притчами внутреннего краха, но также и свидетельством господства духа, который видит свое высшее благо в экономической прибыли. А поскольку такая сентиментально-духовная установка противоречит органической структуре любой общественной жизни, то грех поколения, утратившего свои ценности, мстит за себя политическими и экономическими катастрофами. На горизонте будущего маячат два возможных последствия: либо люди, обманутые беспринципным экономическим духом, будут все больше отрываться от связывающих их идей верности, преданности, гражданского духа и чести и в жестоком бунте разнесут мир на куски, либо в другой группе моральные силы сольются в железную волю, чтобы жезлом дисциплины восстановить закон природы и вместилище каждой великой души, чтобы в иерархии ценностей прибыль оказалась внизу, а не наверху. Обычно в эпохи судьбы сталкиваются обе силы, и тогда борьба не обходится компромиссами, а доводится до решения. Исход этой борьбы часто определяет дальнейший ход истории народа, группы людей, расы на века, а иногда и навсегда.

Сегодня мы находимся на переломном этапе. Духи, которые когда-то вызывались учениями, ставившими во главу угла абсолютное эго, развязаны. Нет единого объединяющего их понятия, в центре создания целого стоят в большинстве своем лишь люди, являющиеся проводниками самых грубых спекулятивных интересов. Государственных деятелей уже почти нет, а есть только синдикаты корпораций, трестов, монополий, слишком часто прямо купленные порождения самой низкой спекуляции. Закон и судьи низведены до орудий узкопартийного духа, а последние остатки национального доверия, таким образом, сами подрываются правителями эпохи распада. Насильно, потому что иначе людям, часто произносящим весомые речи на мировых экономических конференциях, пришлось бы сидеть на тюремных табуретках. Но этот распад сверху все больше и больше расшатывает прежнюю лояльность управляемых масс, и тогда наступает упомянутый выше день решения: хаос или боеспособное отражение. Во втором случае, когда массы начнут отделяться, они начнут критиковать сразу ощутимый ущерб, некоторые умы углубятся в условия, при которых произошел упадок, один или немногие зародят в зрелом возрасте новую идею, способную вернуть народ к вершинам.

Мысли приходят как дети Божьи, никто не может чисто эмпирически проследить их происхождение до самого основания. И все же характер взглядов на рождение идеи выявляет характерные ментальные установки разных личностей, народов и рас. Распространенное мнение о том, что после эпохи "либерализма" "новая идея" должна родиться в "роковой" последовательности, является чисто историческим и внешним. Напротив, в чисто историческом плане это не так, ибо слишком часто такая спасительная идея не зарождалась, а народы величайшей культурной мощи навсегда погибали в огне битв на этой земле. Мы, Национал-Социалисты, не считаем, что идея "роковым образом" спустилась на нас с туманных высот, мы не чувствуем себя фаталистически "избранными", как самонадеянно признаются многие "смирненные", но то, что нас поддерживает, именно живое осознание того, что растет снизу вверх, сокровенное знание того, что идеи и ценности поднялись в нашей груди, что они побудили нас к мощной исповеди, к опозданию, к самопожертвованию, к победе. Прекрасное немецкое выражение, что не "судьба" является единственным великим делом, а мужество, которое несет ее несломленной, показывает то же самое отношение души, которое в конечном счете является вопросом характера, исследование которого затем приводит к тайне крови, скрепленной душой.

Люди, считающие, что они должны возложить на нас бремя магической идеи, объявляют себя фанатичными противниками чисто материалистической концепции причинности - и вновь вводят ее через свою догму, подрывая тем самым достоинство рождения идеи в человеческих сердцах, которое всегда остается тайной.

*

Всякая великая идея предстает теперь, по словам Гете, в виде пиршества. Однако всякий подлинно великий синтез - это всегда духовно-душевное рождение личности. В лучшем случае опыт эпохи проходит через несколько личностей, но не в результате слияния, а потому, что он проистекает из одной и той же тоски, одного и того же характера, одного и того же жизненного мифа.

В этом мире идея нуждается в теле, которое бы ее олицетворяло. Это стремление породило Парфенон, а также Сикстинскую и Девятую симфонии. Человек, идея и произведение стали пространственно-временным единством, которое никогда не может быть разделено. Это фундаментальное понимание применимо и там, где человек является одновременно и субъектом, и объектом, где человеческая жизнь находится в движении, где меняющееся число должно быть, следовательно, представлением мысли. Здесь сам человек занимает место произведения.

Национал-Социалистическое движение с первых дней своего существования ощутило свою собственную природу: Кровь и земля - предпосылка любой деятельности, личность - венец народа, лидерство перед лицом демократического эгалитаризма, последняя битва против тоталитаризма, т.е. социал-демократии и большевизма, замена некомпетентного среднего класса новым отбором нации...

Прежде чем идея станет формообразующим, детородным типом, она неразрывно связана со своим живым творцом. Это без лишних слов осознает каждый, кто сам имеет и формирует мысли, но столь же глубоко и непосредственно чувствует каждый германский персонаж, как бы он ни был прост. Поэтому, когда враги органического подъема извне, борясь с новым явлением жизни у ее корней с другой стороны, теперь пытаются вроде бы признать "величие идеи" и называют имена "дымом и зеркалами", становится совершенно ясно, что мы имеем дело не с "величием идеи", что мы имеем дело не с "идеалистическими" побуждениями, не с "верностью идеям", а с переростком растений, как их разводят на асфальте мировых городов, с людьми, не понимающими ни идей, ни великих личностей и потому не способными судить о них.

Когда вырастает новая великая воля, многие новички вскоре становятся активными, не испытав полного преобразования через идею. Многие вступают в организацию, наивно полагая, что в партии они найдут удобную площадку для реализации своих планов и замыслов, поскольку, возможно, раньше их никто не слушал. Затем эти люди обычно любят говорить об "идее", при этом они представляют себе лишь отростки своего воображения и рассматривают новую сущность как пробный объект, чтобы посмотреть, насколько она может быть добавлена к этим эманациям всевозможных ранее подавленных мыслеформ. Поэтому этих людей смущает и личность реального лидера, так как здесь идея и форма уже присутствуют и возможности для попыток позирования невелики. Поэтому они с подозрительным рвением подчеркивают "верность идее", а вывод делают лишь тот, что видят себя на месте творцов. Но прежде чем доктрина, а это вечный закон, станет стальной, твердой жизнью, она должна быть пронесена через пламя времени лидером. Поэтому тот, кто действительно верен этой идее, будет подчеркивать сегодняшнюю неразрывность лидера и идеи, и ему придется либо брать людей вышеупомянутого типа под железную дисциплину, либо, если помимо излечимого честолюбия присутствует еще и ущербность характера, отбраковывать их.

Именно самые сильные личности и самые сознательные представители нового великого духовного движения откажутся превращать организацию, рожденную болью, в общественный дискуссионный клуб непостоянных людей, путающих слабость с решением проблем. Идея стоит твердо, крепко привязана к лидеру, из ее центра исходят решения, дающие миру новое направление, решения, привязанные к людям, а не к бескровным абстракциям.

Подлинное выражение свободы заключается в уникальном внутреннем признании этой идеи; такова, следовательно, и внутренняя установка Национал-Социалиста. Верность ей - это верность самому себе. И сила этой общей идеи укрепляется, если поддержать Фюрера в борьбе с разложением нашего времени, в борьбе за великое будущее.

Мы должны помнить об этой растущей связи между идеей, лидером и последователями, проходящей через все уровни человеческих возможностей, чтобы с самого начала не ошибиться в понимании общей формы Национал-Социалистического феномена. И отсюда путь ведет в глубины самого содержания мысли.

Сама по себе революция против гнилых условий ничего не значит. Более того, революция, проповедующая "совершенно новые мысли" после многих тысяч лет существования народа, свидетельствует о том, что она должна быть неорганичной и враждебной народу. Ведь если народ в своей истории не представлял определенных мыслей, не отдавал дань определенным ценностям, то это говорит о том, что эти мысли и ценности не принадлежат его сущности. Революция или эволюция являются подлинными только тогда, когда они служат средством восстановления отвергнутых вечных ценностей народа, в нашем случае немецкого народа. И в этом как раз и состоит величие Национал-Социалистического движения, что оно является единственной немецкой национальной идеей в формах нашего времени. Поэтому мы чувствуем родство со всем великим, что когда-то составляло гордость немцев, поэтому мы враги всего, что стремится исказить суть германского.

Мы хотим работать в формах нашего времени. Это означает, что мы отвергаем тех зачастую неправдивых псевдоэтнических учителей, которые из-за неспособности утвердить нашу эпоху - несмотря на все ее признаки упадка - хотят найти удовлетворение в подражании формам прошлого, будь то в искусстве или в экономике. Мы, Национал-Социалисты, всей душой утверждаем нашу эпоху, ибо сами ощущаем себя элементами возрождения, знаем, что великая война 1914-1918 гг. когда-нибудь останется в памяти грядущих поколений как мифический подвиг, не имеющий себе равных. Мы знаем, что на глазах этих поколений по Германии распространялся почти безнадежный хаос. Пока не стали видны колонны Национал-Социализма, под его руководством немецкий народ приходит в себя и переживает величайшее и глубочайшее возрождение. Не то, каковы другие, определяет наше суждение, а то, что мы сами представляем собой словом, волей и делом, является решающим для оценки нашего времени.

Только тот, кто понимает эту веру и подчеркнутую и обоснованную исключительность этой веры, будет знать и то, как правильно интегрировать человека. И только те, кто пережил битву крови и ценностей пробуждающейся германской расовой души, смогут вынести суждение о нашей экономической воле. Подчеркивая ценность характера, мы, тем не менее, прокладываем мост между всеми периодами жизни немецкого народа, какими бы далекими они ни были, и настоящим.

2. Расовая философия и государственное устройство.

Любое духовное движение, каким бы большим и масштабным оно ни было, всегда можно проследить на примере очень небольшого количества основных идей, как правило, всего одной. Это не признак бедности, а признак богатства, свидетельство подлинной духовности и органической плодотворности, в отличие от эклектики, т.е. методов тех людей, которые считают, что из множества идей путем их комбинирования можно создать нечто особенно великое. Именно эти интеллектуалистические попытки, самонадеянно осмеливающиеся критиковать все остальное как "отсутствие духовности", являются признаками упадка творческой силы души. Природа формирует колос и разнообразные плоды из семенного ядра, а не путем скрещивания множества зародышей разных растений. Истинные формы возникают совершенно одинаково во всех областях жизни, только они требуют великих открытий, последствия которых затем вливаются во все жилы других жизненных инстинктов. В политической же сфере демократия - это насильственное слияние различных характеристик. Поэтому почти во всех исторически прослеживаемых условиях она является политической формой расового упадка творческого, сильного народа, когда он передает другим, в основном низшим группам те же права, за которые когда-то боролся как за необходимое условие реального формирования мира. В разгар такого умственного и расового упадка в великих умах иногда просыпается осознание природы этого упадка, как, например, у Платона в позднеэллинский период, когда он разрабатывает план создания строгого государства на расовой основе, вероятно, подсознательно понимая, что нордическая кровь греков уже почти стерта с лица земли в результате межродового скрещивания и войн. Для Эллады было уже слишком поздно, как когда-то для Индии и Ирана, как позже для Рима. Осознание того, что "вечная ночь" этнического хаоса охватила бы всю Европу, если бы в мире не появился германизм, является величайшим открытием конца XIX в., которое в первую очередь передал немецкому народу Х. Ст. Сен-Чемберлен, исповедовавший впоследствии веру в Национал-Социализм. Позднее расоведение и теория наследственности углубили его мысли, а большой массив литературы развил его выводы. То, что все это не осталось бумагой, литературой, а стало наполненной кровью жизнью для немцев, которых сегодня уже миллионы, - историческая заслуга Адольфа Хитлера, Национал-Социалистического народного движения. Что бы ни сулило будущее, в каких бы политических, экономических, социальных формах, промежуточных решениях, трудностях, борьбе ни шло это движение к своей цели, эта историческая заслуга уже сегодня не подлежит сомнению. Все, что боролось в Германии как отдельная личность, что искало форму в кипящем хаосе, что искало в глубине собственной души причины великого краха 1918 года, все больше и больше сливалось в движение, которое когда-то было осмеяно, подверглось остракизму и гонениям, смело родилось в немногих сердцах именно в час глубочайшего унижения Германии. Но эта надежда, несомненно, рухнула бы, если бы не была скреплена глубокой верой в то, что в тысячах городов и деревень немецких земель родственные люди жаждут чего-то подобного, что старая кровь еще бурлит в тех, кто сражался в Великой войне, и жива в потомках павших.

Эта вера в ценность крови, исходная предпосылка Национал-Социалистического мировоззрения, не является "плоским материализмом", как о ней часто говорили манчестерские либералы, а лежит гораздо глубже. По сути, она гласит, что определенная творческая душа, определенный тип характера, определенный склад ума всегда сопряжены с определенным расовым признаком. Не случайно гениальная героическая фигура Зигфрида является творением и духовной моделью германского народа, а обманщик и потомственный мошенник Якоб - идеальной фигурой еврея. Не случайно идея чести имеет высшую ценность у певцов Эдды, у поэта Песни о Хильдебранде, Песни о Гудрун, Песни о Нибелунгах, в другой форме безусловной правдивости исследователя, так же как она возвращается в Леонардо, Копернике, пока не находит своего мощнейшего преображения в Фаусте. И, наоборот, не случайно еврейский моральный кодекс, Талмуд и Шульхан Арух, возводит обман неевреев в ранг недопустимого в еврейской национальной морали. Не случайно носителем идеи чести является стройный, высокий, ясноглазый, сильный мужчина, а потомки его отца Иакова - кривоногие, плоскостопые, черные, курчавоволосые фигуры. Не случайно Афины и Аполлона с их воинственным благородством можно было изобразить только в виде женщин с фронтона Парфенона, головы Зевса, а ближневосточных шпионов - в виде гомеровских Терситов, а также в виде восточных торговцев с ранцами на поздних вазах.

Это базовое осознание меняет всю перспективу мировой истории. Мы уже не видим перед собой никаких "культурных кругов" "в целом", мы уже не стремимся судорожно привести множество сил к общему знаменателю, изобрести гармонию, но именно борьба между различными типами существ, которые мы признавали возможными, представляется нам сегодня главным.

Иоганн Якоб Бахофен, мифолог Греции, ввел термин "болотная культура". Он использовал его для описания состояния, которое, по его мнению, он обнаружил при изучении догреческой цивилизации. В то время еще не было ни прочно сложившихся государств, ни четких типов общества. Люди молились богам, в основном богиням земли, а Исиде поклонялись в болотных камышах. Из этой бесформенности, как говорят, и возникла фигура грека, пока и она не погрузилась обратно в болотную культуру. Бахофен считал, что открыл здесь секрет, что конец каждой культуры ведет обратно к ее началу. Он утверждал нечто подобное либерализму: каждый может стать кем угодно. В действительности же греческая цивилизация не возникла из догреческой, а накрыла ее и победила в трудной борьбе. Нордический патернализм победил неордический матриархат, боги света и неба подчинили себе богинь ночи и земли, брак победил сексуальный коллективизм, наконец, форма - хаос. И когда Греция погибла, она не вернулась к своим истокам, а погрузилась в хаос народов Ближнего Востока и Африки. Тонкий нордический класс эллинов был поглощен двадцатикратным превосходством некогда покоренных, и вместе с носителем гомеровского характера навсегда исчезла душа греческого человека. Эта борьба различных расовых душ является для нас сегодня центральным пунктом мировой и культурной истории. Поэтому сегодня перед нашим духовным взором в совершенно ином свете проходят великие люди прошлого, но и мы совершенно иначе оцениваем историю Германии и характер духовной и политической борьбы нашего времени.

Поэтому мы не знаем никаких "античности, средневековья и современности", которые предвещают развитие по прямой линии, где один период сразу же вытекает из другого, продолжая его. Для нас новая история всегда начинается там, где новый вид человечества одержал победу над другим. С победой германизма над поздним Римом, в развитии этой победы, в расширении тех ценностей, которые оставили нам Теодорих и Стилихон, Оттоны, Фридрих II, поэты героических песен и строители соборов, для нас существует и сущность германского исторического взгляда. Она имеет свое мерило в рассмотрении вопроса о том, возвысила ли та или иная личность, тот или иной выдающийся поступок, очистил и укрепил германскую душу или нет. Многие сильные фигуры немецкого прошлого не исчезнут из него, но получают иное толкование и значение. То, что в прошлом могло вызывать любовь, сегодня встретит неприятие, то, что ценилось меньше, предстанет в самом ярком свете нашего почитания. Такой взгляд на вещи не беспредметен и не несправедлив, как мы уже тысячу раз слышали, потому что критикующие нас не просто ведут хронику событий и деятелей, но и оценивают их, то ли с точки зрения мечтаемого "человечества", то ли с точки зрения религиозно-политического идеала. И прежде всего, как нам кажется, справедливо оценивать этих людей - художников, мыслителей, изобретателей, формирователей государств - по тем последствиям, которые их деяния имели для народа, из которого они вышли. Никто не охарактеризовал эту реальную справедливость более резко, чем Ницше. "Объективность и справедливость не имеют между собой ничего общего", - говорит он, подразумевая под объективностью "холодный и презрительный нейтралитет так называемого научного человека". Как бы скрупулезно мы ни относились к подлинным документам прошлого, сегодня мы, наконец, вновь осознаем, что писать историю - значит оценивать ее в той же мере, что и формировать историю для будущего в настоящем. Ибо борьба в настоящем - это, с одной стороны, горькое отрицание, с другой - горячее утверждение, гигантская попытка, предпринятая средствами политической власти, помочь законам аристократической природы и заповедям германской крови вновь восторжествовать над бескровным и бесприродным космополитическим городом. Поэтому жизнь и политика - это не спор за зеленым столом о "рациональных целесообразностях" глобального экономического или универсалистского характера, а борьба за ценности характера против бесхарактерности, за форму души против враждебной формы или бесформенного хаоса.

Именно такое отношение выражено в § 24 Национал-Социалистической программы, в котором германское чувство морали ставится во главу угла.

Статья 1 Веймарской конституции гласит: "Власть государства исходит от народа". Это выражение либерализма, который после "отмены" монархии перешел к проповеди нематериального, туманного "народного суверенитета" и провозгласил "народным мнением" чисто механистический подсчет голосов, поданных при тайном голосовании в пользу той или иной партии или закона. Таким образом, все государственное мышление основано на убеждении, что количество гарантирует качество. Это либерально-марксистское мышление не опирается ни на какие суждения, хотя следует добавить, что политическое мышление дореволюционной монархической Германии ничем принципиально не отличалось от этих материалистических представлений. Поэтому Национал-Социалистический государственный принцип на основе новой конституции мог бы звучать примерно так:

"Государственная власть Германского Райха основана на сохранении национальной чести!". Это создаст стандарт для политических деятелей и их деятельности, и даже если разногласия будут возникать постоянно, они будут ориентированы на высшую ценность. Сегодня существуют партии, базовые принципы которых полностью отвергают идею национальной чести, которые даже требуют "права" на измену, а в качестве своих лидеров выделяют людей, которые, по понятиям немецкого государства, давно должны были бы сидеть за решеткой. Поэтому вся наша политическая жизнь хаотична, молчалива, бесцельна, постоянно колеблется, поскольку определяется парламентским большинством, интересы которого взаимоисключают друг друга и лишь время от времени несколько прикрываются компромиссами. Так и в грядущей империи Национал-Социализма люди будут бороться за пути и средства, но они будут едины в своей цели, иначе их придется отбросить. Цель эта, однако, всегда одна: здоровье, честь, свобода немецкого народа.

Но объединиться в своей цели могут только люди родственные, люди, способные ощутить общность крови и судьбы всех немцев. Поэтому требование нашей программы о предоставлении гражданских прав только народным товарищам - это не вспышка реакционного "шовинизма", а самая примитивная форма самосохранения. Из-за пренебрежения этим жизненным императивом погибло старое государство - "Второй Райх", и Германия как духовное, политическое и этническое образование погибнет, если планомерное уничтожение биологически и психически чуждых немцам людей не будет взято под контроль целеустремленным государственным руководством. Адольф Хитлер неоднократно подчеркивал, что ни один политический или социальный переворот не будет устойчивым и полезным в долгосрочной перспективе, если 1. не будет расширено жизненное пространство, 2. не будет биологически перевоспитан человеческий род. Лаконичное утверждение, что евреи не могут быть товарищами народа, является, таким образом, само собой разумеющимся требованием создания немецкого народного государства.

Еврей - посредник во всех отношениях, через банковские и биржевые спекуляции, через барахло универмагов, через права двойного гражданства и т.д. В результате определенного характера он стал великой денежной силой. Но в демократии деньги означают власть, политическое влияние, вхождение в "общество". С течением времени, после катастрофической эмансипации евреев либералом Харденбергом, немецкая нация была разорвана на части евреями, проникшими на интеллектуальные и политические "руководящие" позиции. В силу требований роскоши старая померанская шпанская знать в крупных городах вступала в браки с дочерьми еврейских торговых советников. Такое смешение кровей в самой чувствительной точке социального организма означало паралич характера, вырождение духа, излечить которые можно только повторным уничтожением евреев и еврейских бастардов - здесь следует признать отдельные трагические случаи. Это излечение должно осуществляться как в политическом плане путем лишения их всех прав гражданства и применения к ним законодательства об иностранцах, так и в национальном - путем непризнания браков между немцами и евреями независимо от конфессиональной принадлежности, что должно иметь и свои социальные последствия.

Связь с неграми и негритянскими потомками здесь в принципе имеет место, даже если она пока не носит острого характера. Франция, инициировавшая эмансипацию евреев, уже практически осуществила эмансипацию негров. Отношения между французами и негритянками - и наоборот - в парижской жизни не вызывают возражений. В моде скульптуры негров, нередко проповеди негров по радио. В последние годы негр представлял Францию по колониальным вопросам в Лиге Наций, а в 1931 г. этот негр стал заместителем государственного секретаря в парижском Колониальном управлении. Впервые в истории Европы негр вошел в правительство белого государства - символический акт, имеющий неисчислимые последствия. О негритянском министре над белыми сегодня говорят во всем цветном мире, чувство собственного достоинства черных рабских масс обострено как никогда, а Франция сегодня выступает не только как республика Ротшильдов, но и как форпост Африки на европейской земле, культурная опасность, угрожающая всему белому человечеству. К неграм и черномазым ублюдкам применимо то же самое, что и к евреям.

В настоящее время излюбленным приемом еврейской прессы является указание на то, что немецкий народ и без евреев не является расово однородным, что государственное устройство на расовой основе поэтому практически неосуществимо и должно лишь породить рознь между племенами, из чего делается вывод о враждебности Национал-Социалистической расовой идеи народу и государству. Этим типично талмудистским попыткам ввести в заблуждение следует противопоставить тот факт, что, хотя расовая наука выделяет в Европе около пяти рас, каждая из которых имеет свой характер, темперамент и психические установки, нет никаких сомнений в том, что немецкий народ не представляет собой однородную серую смесь, но что 80% его, несомненно, происходит от германских народов. Этот нордический германизм определил ритм немецкой жизни, во многих случаях он ассимилировал другую европейскую кровь, несомненно, в отдельных случаях даже обогатил ее, но все те, кто имеет, например, часть западной или динарской крови, также найдут свою норму поведения, свой воспитательный элемент в ценностях характера германской сущности. Просто загадочная вещь, которая происходит сегодня с миллионами людей, - это именно это самопробуждение германо-немецкой сущности; труды по этому великому самопроявлению накапливаются в неисчислимом изобилии, и во многих вопросах 1500 лет часто кажутся стертыми в свете "до" истории. Мы не начинаем историю германо-германской сущности с 1-го года, а возвращаемся на много тысяч лет назад и проводим прямую линию от носителей мегалитической культуры до герцога Видукинда и Бисмарка. И в этом великом пробуждении каждый немец, где бы он ни родился на нашей планете, оказывается соратником, если он активно проявляет себя как носитель ценностей немецкой чести и свободы. Неполноценные телом и душой люди будут сами собой отсеиваться под воздействием этих селекционных требований практического действия, и таким образом стиль будущей немецкой жизни также будет формироваться путем проявления себя в германских ценностях. Таким образом, идея расы является не деструктивным, а связующим элементом. Более того: последнее связующее средство, способное привести больной от лишений, труда, космополитизма и еврейского яда народ к единству и сильной государственности.

Именно поэтому Национал-Социализм требует исключения всех африканцев и азиатов из жизни Германии, как это предусмотрено конституционным правом, и именно поэтому он всегда требовал объединения всех немцев, проживающих за рубежом. Он выдвинул отвергнутое предложение о том, что, поскольку они являются гражданами Германии, они также должны быть представлены в политическом Райхспарламенте своей родины. Что же касается немцев иностранного гражданства, то до сих пор позорно игнорировалась обязанность создать орган, представляющий их национальные и культурные интересы*.

*

Из всех этих соображений вытекают требования параграфов 20, 21, 23, 25. Но в то же время указанное соображение переходит в область внешней политики Германии.

* Формулировка пунктов 5, 7 и 8 нашей программы часто понимается неправильно. Речь идет о требовании высылки тех, кого повсеместно депортируют как "беспокойных иностранцев", но прежде всего о высылке тех еврейских стай, которые с 1914 года стекаются в Германию со всего мира. Иностранец, занимающийся честным ремеслом, конечно же, не должен испытывать никаких трудностей в пределах Германии. Если Германия будет принимать не немцев в качестве меньшинства, то необходимо предусмотреть культурную автономию.

3. Внешняя политика и экономическая этика.

Внешнеполитическая позиция Национал-Социализма с самого начала была единой, непоколебимой, несмотря на всю враждебность, и блестяще оправдала себя в 1931 году.

Внешнеполитическая система Веймара, представленная Центром, демократией и социал-демократией, базировалась, хотя и с разными оттенками, на следующих посылах: немецкий народ убеждали, что война держав Антанты против Германии направлена не против творческой немецкой нации как таковой, а против кайзера, князей и легендарной военной партии - лозунг, который, в частности, социал-демократы взяли из лексикона вражеской агитации и охотно продолжали культивировать. Более того, было заявлено - и первый "народный представитель" революции Эмиль Барт повторил это на последнем совещании революционных лидеров, - что Антанта никогда не посмеет заткнуть рот Германии, поскольку солидарность международного пролетариата слишком велика и сильна и не позволит эксплуатировать творческую Германию. То же самое уже писала газета "Vorwärts" 20 октября 1918 года: Никакой мир не может сделать нас беззащитными".

Вот уже более десяти лет социал-демократия отчаянно пытается отстоять эти два принципа из вполне понятного стремления хоть как-то оправдать восстание 1918 года, ведь даже самый упертый социал-демократ должен был задаться вопросом, зачем была вызвана революция, последствиями которой стали беспрецедентное политическое и военное бессилие и беспрецедентное финансовое порабощение. Таким образом, социал-демократам не оставалось ничего другого, как продолжать оскорблять "злую старую систему" и тем самым вновь превращать себя в приспешников вражеских держав. Еще до принятия плана Юнга центральный орган S.P.D. - газета "Vorwärts" - 30 августа 1929 г. заявила, что ежегодные дани - это последствия войны против всего мира, в которую нас втянула империя, а на заседании Второго Интернационала в Вене в августе 1931 г. австрийский лидер Отто Бауэр под одобрительные возгласы марксистов всего мира заявил, что Габсбурги и Гогенцоллерны втянули мир в гибель мировой войны! Теперь Версальский позорный договор, подписанный социал-демократом Мюллером и лидером центристов доктором Беллом, покоится на лжи о вине в войне, подтвержденной сотнями раз. На этой лжи основаны все последующие финансовые диктаты, выдаваемые за справедливое наказание немецкого народа, виновного в чудовищной мировой войне. Таким образом, Второй Интернационал, а вместе с ним и социал-демократия в Германии сознательно делают себя пособниками главных врагов творческого немецкого народа.

Третий тезис, который, наряду с социал-демократами, в основном представлял и реализовывал Центр, - это утверждение, что центральная проблема умиротворения Европы заключается в достижении взаимопонимания между Германией и Францией. Можно как угодно относиться к этому выдаванию желаемого за действительное. Но с самого начала строить реальную государственную политику на этом благочестивом пожелании было наихудшей иллюзорной политикой. Если же обратиться к идеологии Веймарских партий, то рассуждения будут иными, с тем же выводом. Демократия и социал-демократия как партии, возглавляемые евреями, всегда питали неистребимую любовь к Франции еврейской эмансипации. Даже в разгар войны создание парламента, равного французскому, представлялось "Vorwärts" как цель, к которой стоит стремиться, а правление еврейских банкиров в Париже с помощью этого парламента всегда было мечтой и еврейских биржевиков в Берлине. Поэтому для марксистов и демократических кругов Берлина и Франкфурта "взаимопонимание" с Францией означало создание крупных банковских и деловых предприятий, слияние крупных финансовых групп, ликвидацию националистической Германии и терпимое отношение к политике французской власти.

Перед центром вновь предстала другая любимая Франция, а именно Франция как "старшая дочь Римской церкви". Во время войны, вопреки прежним масонским влияниям, Римская церковь вновь заняла прочные позиции, у нее было много влиятельных сторонников среди офицерского корпуса, в частности маршал Фош, религиозные ордена хорошо финансировались и покупали один за другим дома на улице Ванно. Католический институт под руководством г-на Бодрийера продолжал лихорадочно работать, а боевой клич французов о том, что борьба против Франции означает борьбу против Бога, стал боевым кличем всех французских католиков, к которым присоединились бельгийцы под руководством кардинала Мерсье, который также отождествлял христианство с французскостью, и эта линия продолжается по сей день,

Эта линия продолжается и по сей день: отношение архиепископа Руха в Страсбурге, то, что распятие во французских церквях во время праздников переплетается с триколором, и то, что французские епископы подписывают националистические призывы самого яростного толка против Германии, подчеркивая, что они против того, чтобы такие призывы представлялись как языческие. Как писала ведущая центристская газета "Badische Beobachter", Германии придется смириться с французской гегемонией, принять ее как данность и, соответственно, заключить с поляками соглашение о Восточном блоке. После того как центр успешно достигнет "взаимопонимания с Францией", военное и финансовое господство Парижа над Европой не будет поколеблено, а "единоверцы Польши" не преминут вернуть им в той или иной форме украденное добро, что не вызывает особого возмущения в Германии, и теперь вместе с демократией и социал-демократией вставить Германию как третьесортную державу в систему, которую Центр называет "окцидентальной задачей", а социал-демократия, в другом прочтении, привыкла называть Пан-Европой.

Помимо чисто идеологических и расовых причин, в социал-демократии, несомненно, сыграло роль и другое давление. Как известно, во время войны из Англии и Франции через Швейцарию, Голландию и Данию в руки марксистов в Германии текли огромные суммы денег, и то тут, то там уже приподнимались уголки плаща английской и французской "благотворительности". Французский шпион Дегранж описал свой опыт работы в качестве поставщика жиров в Германии в своей работе "На тайной миссии у врага", и даже если из нее можно вычеркнуть некоторые самодовольные вещи, остаются документы, которые он печатает в книге и которые показывают его прямым слугой французского шпионского ведомства и Клемансо; Дегранж с триумфом заявляет, что благодаря значительным суммам, которые Франция пожертвовала социал-демократии в Германии, в указанное время вспыхнула революция. Среди своих соратников в Германии Дегранж осторожно называет только погибшего Гуго Хаазе. Как известно, Хаазе в начале войны возглавлял социал-демократическую фракцию Райхстага, затем отколол от нее часть и вместе с Рудольфом Брайтшайдом, Артуром Криспиеном, Рудольфом Хильфердингом и другими подобными деятелями основал Независимую социал-демократическую партию, которая затем всеми силами добивалась отказа от военных кредитов. По версии французского шпиона, лидер "Независимых" еврей Хуго Хаазе был, таким образом, соучастником и одним из похитителей французских серебряных и золотых пуль. Разумеется, понятно, что этот французский шпион известен и ряду других господ, в чьи холеные руки попадал поток золота из Парижа и Лондона. Мы, конечно, не можем назвать здесь ни одного имени и должны доверять последующим историческим исследованиям выяснить, кто из соратников Гуго Хаазе был в курсе дела, кто из них нажился на этом предательском предприятии и теперь старается сохранить S.P.D. в "старом русле".

Все те договоры, которые мы называем Локарно, пакт Лиги Наций, проблема разоружения, Келлог, Дауэс и Юнг, родились в результате усложнения этих идеологических и политических затруднений, подпитываемых из различных источников. Всегда было так, что стремление Франции еще больше закрепить позорный Версальский договор совпадало с попытками Веймарских партий инициировать новое "взаимопонимание" с Францией, а затем изобразить получившийся протокол некой новой встречи как большой успех для Германии. Слово "Локарно" сегодня можно произносить только со смехом, но неплохо было бы вспомнить, что эта встреча в Локарно, состоявшаяся много-много лет назад, была представлена всей еврейской и центристской прессой Германии как огромный успех Густава Штресемана и политики взаимопонимания, что вся мировая пресса отозвалась эхом об "умиротворении Европы", а когда Густав Штресеман произнес затем первую речь в Лиге Наций, ликование по поводу того, что Германия теперь вошла в мировую политику как "равноправный фактор", не было конца. Но в разгар этого ажиотажа стало очевидно, что последствия диктата Дауэса, который тот же Штресеман изображал как "библию экономики" и "серебряную полосу на горизонте", не приносят хороших плодов, а, напротив, происходит то, о чем Национал-Социалисты догадывались:

что Германия не в состоянии платить требуемую дань, что она не в состоянии продолжать бесконечную политику подчинения, если не хочет развалиться, и что необходимо, наконец, приступить к коренному пересмотру как Версальского договора, так и диктата Дауэса.

Затем состоялись Парижская и Гаагская конференции, которые должны были внести изменения в несостоятельный пакт Дауэса, и снова социал-демократы, политическая буржуазия, Центр всеми силами старались сохранить так называемое взаимопонимание с Францией. Из страха перед тем, что придется, наконец, признать истинные факты и сообщить немецкому народу о полном провале французской политики и тем самым дать себе пощечину перед всем миром, у них не хватило мужества сделать это. Несмотря на ужасные условия, вышеупомянутые партии выступали за принятие плана Юнга. В этих условиях Веймарская система впервые столкнулась с противником, который в один прекрасный день должен был полностью ее победить: Национал-Социалистической Немецкой Рабочей Партией. Она сделала себя выразителем интересов всего трудового, ограбленного народа. Она выполнила свой долг, использовав все имеющиеся в ее распоряжении средства для проведения референдума, а затем и референдума против плана Юнга, и даже если это не принесло успеха в количественном отношении, это означало, что представители политики Юнга должны были официально взять на себя обязательства, что, стремясь добиться своего, они давали обещания, даже в радиоречах, формулировки которых уже невозможно отрицать, которые мы имеем против них сегодня в связи с крахом этой политики порабощения. Именно министр Северинг в то время, когда даже доктор Шахт в Париже не хотел идти дальше 1 600 млн. золотых марок дани, публично заявил, что если Германия сможет платить 2 000 млн. в год, то это тоже будет облегчением, которое можно принять. Это историческое заявление прусского министра внутренних дел, который и сегодня находится на своем посту, все Национал-Социалисты будут ставить ему в вину до тех пор, пока он остается на своем посту.

В другом выступлении тот же Северинг заявил, что трудящиеся уже почувствуют преимущества плана Юнга и что необходимо, чтобы все участвовали в этих преимуществах. . . Министр иностранных дел д-р Куртиус, которому предстояло продолжить наследие Густава Штресемана, в своем выступлении по радио также заявил, что нельзя отрицать облегчения, предоставляемого планом Юнга, и что никакая диалектика не может стереть этот факт. Его коллега и министр финансов г-н Мольденхауэр заявил, что после принятия плана Юнга дела снова пойдут в гору, кредитная экономика оживится, экономическая жизнь будет стимулироваться, а налоги снизятся... Господин Мольденхауэр, который при вступлении в должность министра заявил, что приведет финансы в порядок за две недели, вынужден был без звука исчезнуть в недрах своей партии - Немецкой народной партии, а его место в политике Юнга занял демократ Дитрих, столь же вдохновленный "оптимизмом", Только через несколько месяцев он заявил, что голод выведет немецкий народ на улицы, что, однако, не помешало ему в разгар величайшего краха на праздновании Конституции в Райхстаге в 1931 г. заявить, что с 1923 г. Германия находится на огромном экономическом подъеме!

Так вступил в силу хваленый план Юнга , но не прошло и года, как стало очевидно, что облегчение не оправдалось, а превратилось в свою противоположность, что перепуганные демократы во главе с канцлером Центра Брюнингом вынуждены предпринимать сумасшедшие усилия, чтобы сохранить рушащуюся систему, что началась ситуация чрезвычайных декретов, Веймарская конституция один за другим приносила в жертву статью 48, и, наконец, в конце июля Германия оказалась в таком состоянии, что центральный орган Центра - газета "Germania" - вынуждена была заявить, что это были самые мрачные дни в истории Германии, что немецкий народ даже не подозревал в то время, в какую пропасть он катится. А первый председатель S.P.D. Вельс заявил в газете "Vorwärts" от 10 июля 1931 г., что послание президента Гувера произвело почти освобождающий эффект на всех, кто знал экономическую ситуацию в Германии в те дни: "Германия действительно находилась на грани краха". После этих неосторожных признаний "черного" и "красного" лагерей становится ясно и документально подтверждено, что столь желанная политика исполнения и понимания привела Германию на грань краха после десяти лет агонии.

В любой другой стране правительство сделало бы из этого катастрофического для народа провала единственно возможный вывод - ушло бы в отставку и оставило управление государством тем, кто в течение десяти лет говорил именно то, что всегда материализовывалось в каждом конкретном случае. При вступлении в Лигу Наций, при принятии Локарнского пакта, при принятии диктата Дауэса мы неоднократно заявляли, что все эти договоры только еще больше сковывают Германию, что ей не избежать решения, что все жертвы, принесенные французской стороной, будут напрасны и что через несколько лет мы окажемся в том же положении, что и до начала мира, только вдвое и втрое ослабленными: И это ослабление было целью французской политики, было последовательным стремлением Франции не только сохранить Германию в военном отношении, но и покалечить ее в этническом отношении и, наконец, разгромить ее полностью. Эту цель Франция преследует не только сегодня, но и уже тысячу лет, и при любой возможности реализовать ее она идет в авангарде всех, кого можно хоть как-то мобилизовать против Германии.

Сегодня это поляки, это малая Антанта, которую Франция, заставляющая своего Бриана произносить речи о мире, пересекает железными дорогами и снабжает всевозможным оружием на случай, если Германия, бессильная из-за своих даней, бессильная из-за своей еврейской прессы, однажды восстанет против французского господства.

Сегодня, на пороге самых сложных решений, Национал-Социалистическая Немецкая Рабочая Партия вновь обвиняет Центристскую партию, социал-демократов и демократические политические средние слои в том, что они ослабили Германию в соответствии с политикой Франции, парализовали национальную волю и сделали ее пешкой в руках международных финансовых держав, проводя безумную политику заимствований. Мы не знаем, каковы были индивидуальные мотивы этих господ. Мы имеем дело с целым комплексом политических явлений в том виде, в каком они проявляются в манифестах политических партий, и эти результаты сегодня настолько очевидны, что отрицать их уже невозможно. Они настолько очевидны, что Центр отказался от прежних попыток их обелить, и канцлер Брюнинг в середине августа 1931 г. заявил английскому журналисту, что зима 1931/32 г. будет, возможно, самой плохой за последние сто лет, и что в Германии будет 7-миллионная армия безработных. В этом мы еще раз видим банкротство политики центра, социал-демократии и демократии.

*

Как NSDAP относился к вопросам внешней политики? Какую ясную реализацию она имела, чтобы противостоять политике иллюзий, которая в конце концов достигла особенно низкой точки в ужасном крахе Таможенного союза в Женеве (сентябрь 1931 г.)?

Во-первых, необходимо признать, что внешняя политика - это не только вопрос знаний, но и вопрос характера, особенно в трудные времена.

В жизни народов происходят страшные события, которые концентрируются в нескольких часах. В эти несколько часов зачастую на чашу весов ставятся века, в эти мгновения все зависит от того, насколько у представителя того или иного народа, той или иной группы до последнего сохранится характер.

Мы хотим подчеркнуть, что речь идет не только о новых мыслях, но и о новом мышлении вообще! Однако в ходе этой реорганизации нам досталось очень плохое наследство.

На протяжении всего Средневековья здравый смысл людей был искалечен схоластическим мышлением, а в более поздние времена это абстрактное мышление получило верх в ложно понятом гуманизме. Современная и мировая история оценивалась по абстрактным догмам, по безвоздушным предсказаниям. Такой образ мышления, приведший к большим бедствиям во внутренней политике, привел к еще большим катастрофам в области внешней политики, поскольку внутри страны народ еще мог быть хозяином своей судьбы, тогда как весь мир за ее пределами практически не подчинялся его решениям.

Из этого абстрактного мышления рождались одно катастрофическое решение за другим: разговоры о солидарности пролетариата, о солидарности разума во всем мире, кульминацией которых стало стремление к созданию общеевропейской и, далее, пацифистской мировой республики.

Эти мечты части немецкой рабочей силы и абстрактных немецких ученых рухнули в августе 1914 года, снова рухнули в конце 1918 года, но пророки этой антижизненной мысли продолжают говорить на своем языке.

Но это абстрактное мышление глубоко проникло и в национальную сторону, что нас особенно волнует. Мы можем наблюдать мнение, что после 1918 года в мире существует два фронта: фронт победителей и фронт побежденных, и из этого многие делают вывод, что раз Германия - побежденная нация, то она должна быть в союзе со всеми угнетенными народами мира. Это чрезвычайно опасная мысль.

В действительности фронты Антанты в 1914 году не были порождены органической необходимостью. Клемансо и Робертсон в своих мемуарах рассказывают, насколько хрупкой была эта Антанта даже в 1917 году, как кропотливо приходилось латать трещины, что в конечном итоге только общий страх перед Германией удерживал эти фронты вместе.

И этот фронт победителей сохранился впоследствии не по органическим причинам, а в результате беспомощности германской внешней политики, которая не понимала, как вклинить в имеющиеся трещины и все больше и больше расшатывать хрупкий фронт.

Мы виним нашу внешнюю политику до сих пор не столько за то, что мы пожертвовали какой-либо частью в какой-либо момент, сколько за то, что мы в течение десяти лет жертвовали не там, где надо, и не создали передышки для сбора сил, а, наоборот, только вызвали дальнейшее ослабление целого, так как эти жертвы были принесены ненасытному наследственному врагу, что только усилило его жадность к грабежу.

*

Политика Бисмарка всегда была направлена на изоляцию Франции. Однако это явное предвидение германской политики было забыто. Франция так и не смогла оправиться от поражения в 1871 году. Она сразу же попыталась объединить союзников против Германии. Уже тогда она с тоской смотрела в сторону России. Однако Бисмарку удалось вырвать Россию из лап Франции хотя бы частично, заключив договор о перестраховании. Он гарантировал России влияние на Балканах и даже пошел дальше: вплоть до возможного освобождения Дарданелл, если они будут закрыты для Англии. Взамен Россия обещала нейтралитет в случае войны с Францией. Прежде чем заключить этот договор, Бисмарк выяснял отношения с Англией. Однако та посчитала, что должна настаивать на своей изоляции, и отказалась в полную силу. Впоследствии, когда Великобритания обратилась к Германии, договор уже был заключен, и Англию уже нельзя было ублажить.

Сегодня мы снова и снова читаем во всех газетах о том, что немцы и французы настолько близки по духу, что "спасение Европы" возможно, если Германия и Франция придут к взаимопониманию. Нельзя вести внешнюю политику на основе такой литературной игры слов.

Внешняя политика в том виде, в котором мы ее проводим сегодня - близкая к потоплению, - наталкивается на железные планки тысячелетней истории, на линии атаки Франции, против которых нельзя бороться газетной бумагой и научным словоблудием. С самого первого момента своего существования Франция имела весьма специфическую политическую динамику. Когда Людовик XI, фактический основатель французского централизованного государства, отстранил от власти баронов и графов, он уже объявил, что следующая цель Франции - Эльзас-Лотарингия и берега Рейна. И все его преемники снова и снова стремились к этой цели, независимо от того, было ли это Французское королевство или республика. Даже война 1870/71 гг. была начата Наполеоном III только с этой целью.

Это реальный факт, и его нельзя стереть разговорами некоторых людей в Париже и Берлине. Когда-то для Германии наступил роковой день. Если бы она осознала этот факт, то смогла бы переломить свою судьбу во время русско-японской войны 1904/05 года, когда стало ясно, что России придется развернуть всю свою военную мощь на Дальнем Востоке. В те дни Германия увидела себя избавленной от кошмара на Востоке. В то время в Париже, когда в мире бушевал новый Марокканский конфликт, Франция разорвала свои Марокканские договоры, не спросив Германию, Париж опасался войны. Об этих роковых днях, которые в то время прошли незамеченными, мы знаем из воспоминаний советника германского посольства в Лондоне барона фон Эккардштейна; этот советник германского посольства, подвизавшийся только в кругах еврейского высшего финансового общества, его общие друзья с премьер-министром Франции, сумели предотвратить возникновение в Германии воинственной идеи*.

* Более подробно об этом и об обосновании всех других внешнеполитических идей NSDAP в книге А. Хитлера "Mein Kampf" (RM. 7.20) и в моей книге "Der Zukunftsweg einer deutschen Außenpolitik". (Обе книги опубликованы издательством "Frz. Eher Nachf.", Мюнхен).

В то время господин фон Бюлов и его друзья были больше заинтересованы в том, чтобы служить миру во всем мире, чем в том, чтобы Германия была великой, сильной и стабильной сама по себе! Это были времена, когда требовался характер, а его не было! Начальник Генерального штаба фон Шлиффен заявил, что если бы в то время произошел конфликт, то следовало бы предположить, что мы имели бы дело с Францией.

*

Если попытаться понять положение Франции после войны, то становится ясно, что ей нужен был отдых, чтобы переварить проглоченную ею пищу, как гигантская змея пожирает теленка. Ей нужен был отдых для реорганизации вооружений на германской границе от Северного моря до Альп, деньги для восстановления северных провинций, отдых для обустройства и оснащения новых союзников, ибо нельзя ни на минуту обманываться, что политика Франции после 1918 года не перестала питать вековую тягу к Рейну.

Франция жаждет не только Рейна, но и уничтожения Германии. Германия как государство должна быть уничтожена в Европе!

Для этого оправданы все средства. Средства политики, военной мощи и финансов. Во всех этих областях французская внешняя политика демонстрирует огромную ловкость и мастерство.

Это констатация того страшного факта, что после окончания одной войны Франция тут же начинает другую, только другими средствами. И Германия платит, и платит не чем иным, как французским вооружением, французскими укреплениями на Востоке, и более того, Германия оплачивает французский флот, строит французские гавани в качестве репараций, вооружает своего смертельного врага всем!

Хитлер провозглашает этот факт уже двенадцать лет. Он заявлял - и все Национал-Социалистическое движение неуклонно придерживалось этой позиции, - что взаимопонимание не может состояться до тех пор, пока под взаимопониманием понимается равноправие двух народов. Франция никогда и ни за что не согласится на такое понимание.

Нельзя сказать, что мы готовим войну-реванш против Франции; напротив, мы даже заявили, что если бы у Франции был хоть какой-то смысл, то она не стала бы отгораживаться от Германии на Востоке, а оставила бы нам возможность расширяться на восток. Поэтому нельзя сказать, что мы хотим уничтожить французское государство как таковое, но мы хотим только немецкое государство, которое не станет объектом жажды власти со стороны Франции! Мы не проповедуем войну против Франции, но мы хотим иметь жизненное пространство для великого цивилизованного народа, мы хотим иметь пространство для крестьян на Востоке, чтобы немецкий народ мог прокормить себя.

Сегодня эти великие проблемы снова стоят перед нами. Мы знаем, что на Востоке, на территории, завоеванной и возделанной немецкой кровью, появился враг: наш враг - Польша, сателлит Франции! Если вы не хотите признать этого, то вы отказываетесь от 1000 лет немецкой истории, от 1000 лет немецких жертв, принесенных ради этой истории, и от успехов великого Нингена.

Дать свободу немецкому крестьянину на Востоке - это основа всего обновления нашей нации!

Именно в этом состоит сегодня политика, и задача германской внешней политики состояла и состоит сегодня как никогда в том, чтобы спросить, какие государства не заинтересованы в этой гегемонии Франции и ее сателлитов над Европой, которую взял на себя центр.

Италии нужно жизненное пространство для расширения; чтобы не отдавать избыток населения в Южную Америку, она ищет страны, имеющие связи с родиной. Италия была втянута в войну с большими обещаниями. Ей обещали прибрежную полосу Малой Азии, греческие острова - все было отменено. Кроме того, у Италии есть интересы на Балканах. Италия хочет выйти из этого фронта победителей, в отличие от интересов Франции на Балканах. Ничего из нашей внешней политики не отменялось. Но теперь, после двенадцати лет оскорблений и борьбы с фашизмом, канцлер Брюнинг вынужден был отправиться в Рим, причем не по своей воле, а потому что увидел, что вся внешнеполитическая идеология центра потерпела крах.

Президент Райхсбанка Лютер заявил в июне: через две недели бюджет снова будет в порядке; он съездил в Лондон, Париж и Базель и вернулся страшно разочарованным. Он услышал об условиях, которые он не мог принять как президент Райхсбанка.

Французское правительство не высказывало их открыто, но газеты публиковали их от имени французского министерства, чтобы еврейская пресса в Берлине могла написать, что Франция не выдвигала никаких официальных условий. Наконец, Париж нанес Германии самый страшный удар в вопросе о таможенном союзе.

В августе 1931 года, к удивлению всего мира, Венгрия изменила свою систему, которая тесно связывала ее судьбу с судьбой Германии. Венгрия проводила эту политику с полной лояльностью. А сегодня Венгрия вынуждена нехотя идти по пути своих злейших врагов, потому что Германия не проявляет симпатий к "Венгрии Хорти".

А Франция старается сделать укол своим польским родственникам и уже давно ведет переговоры с Москвой. Никто не может сказать, будут ли реализованы эти планы и что из этого получится. Но цель - сделать Польшу независимой и готовой к вступлению в Восточную Пруссию.

Англия пережила множество внутривнутриполитических столкновений, и в настоящее время она находится в состоянии более сильного конфликта, чем это было на протяжении десятилетия. Но тот факт, что ей угрожает французский воздушный флот, заставляет английский инстинкт расширять свой воздушный флот; тот факт, что она также видит себя атакованной французской финансовой мощью, приведет, надеюсь, к дальнейшим оборонительным мерам.

В области внешней политики Германия сталкивается с этими вещами, как и десять лет назад; жертвы приносятся снова и снова, и все жертвы бесполезны, потому что они идут на Францию. И когда политики исполнения заявляют, что с этим народом нельзя проводить никакой другой внешней политики, мы говорим: само собой разумеется, что с марксизмом нельзя проводить никакой внешней политики, так как марксизм теснейшим образом связан с нашим наследственным врагом, но с этим марксизмом так называемая буржуазия оспаривала французскую политику против Национал-Социалистических взглядов, пыталась подавить пробуждение нации именно этим франкофильским, антинародным марксизмом. До тех пор, пока за политикой свершения не перестала стоять какая-либо национальная часть народа.

Какие вопросы и какие решения возникнут в деталях для грядущего государства - это не задача данного рассмотрения, это задача более позднего осознания, соответствующей ситуации и соответствующих возможностей. Главное - это осознание того, что необходимо сделать все возможное, чтобы не допустить господства французской системы над всей Европой. Наши оппоненты говорят нам, что при наличии Национал-Социалистического правительства очень скоро может наступить момент, когда Франция вторгнется в Германию.

Само собой разумеется, что Франция может вторгнуться, если бессилие Германии станет еще больше. А это бессилие будет еще больше именно благодаря политике выполнения, проводимой до сих пор и сегодня.

Но Франция дважды подумает о таком шаге, если столкнется с объединенной Германией, которая не просто стоит сама по себе, а со всеми противниками Франции на одном фронте. Это увеличивает риск французского вторжения на 80%.

Из этого усложнения следует, что возрождение внешней политики начинается также с возрождения характера: железной воли, которая ясно и трезво признает Францию, чтобы затем объединить все силы для обеспечения жизни немецкого народа.

Больше на этом можно не останавливаться, основным в оценке французской проблемы остается понимание, из которого вытекает правильная перспектива оценки всех остальных внешнеполитических проблем.

*

Поскольку данная книга не является учебным трудом по экономической политике, я ограничусь только основами, определением той точки зрения, с которой Национал-Социалисты рассматривают и экономические вопросы.

Г. Федер совершенно справедливо подчеркивал, в отличие от чисто частного, индивидуалистического взгляда на рентабельность, что в нашем понимании экономика должна быть делом удовлетворения потребностей, что выражение "общественная польза превалирует над корыстью" следует понимать как превалирование национальных потребностей над всякой частной прибылью. Таким образом, одна задача настоящей национальной экономики была удачно обозначена. Но нам придется пойти еще глубже.

Если вначале мы говорили о том, что расовое здоровье и наследственная пригодность являются предпосылкой государства (и культуры) в целом, что политика, таким образом, является средством на службе сохранения крови, то такая же задача встает и перед экономикой. Целью любой экономики должно быть укрепление народа в борьбе за свое существование, в борьбе с внешними силами и внутренними деструктивными силами. Это наделяет экономику биологической миссией, и только после осознания и признания этой главной задачи как таковой можно приступать к оценке различных экономических форм. Поэтому мы решительно отвергаем догматику форм, и в этом, прежде всего, Национал-Социализм отличается от чисто теоретических умов и абстрактных спекуляций, которые сегодня, как грибы, растут в связи с крахом чисто частнокапиталистических доктрин. Даже в националистической Германии хватает энтузиастов и писателей, которые сегодня считаются особо "революционными" и хотят национализировать и социализировать практически все. Но мы считаем, что истинное государство должно восстановить значение реальной личности не только в политике, но и в экономике. Ведь, как это ни странно звучит, именно экономика в условиях господства либеральной системы все больше подавляется. Сегодня над изобретателем и творцом властвует финансовый капитал, анонимная корпорация. Для того чтобы освободить истинную личность в технике и экономике, необходимо освободить их от спекулятивного правления деньгами, осуществляемого биржевыми маклерами, стремящимися к прибыли. Поэтому Национал-Социализм требует национализации или государственного контроля над крупными банками и крупным кредитом, а также ликвидации анонимных акционерных обществ, чтобы уничтожить реальную экономику. Немецкая экономика уже слишком бессильна, чтобы освободиться от лап преимущественно еврейских крупных банкиров; это может сделать только сильное политическое движение. И Национал-Социализм взял на себя эту миссию не из любви к промышленности и экономике, как насмешливо заявляют некоторые "революционеры", а осознав, что только таким образом можно помочь и немецким рабочим. Ведь если здоровье и сила нации - высшее благо для народного государства, а вместе с тем и сильнейший экономический капитал, если контроль над кредитами будет находиться в руках руководителей Национал-Социалистического государства, только тогда можно будет оказывать непосредственное влияние на судьбы многомиллионных рабочих. Сегодня, если промышленников и других предпринимателей сдерживает финансово-капиталистическая частная прибыль, на смену им приходит общество в лице правительства штата, которое впоследствии будет обязано напомнить предпринимателям об их долге перед народом в целом.

Многие поколения немецких рабочих были обмануты в своем праве на жизнь судьбой зарождающейся техники, поэтому их великий протест против нее был глубоко оправдан, а борьба с "дымящими баронами", стоящими прямо перед их глазами, была понятна, а во многих отдельных случаях и необходима. Либеральное государство, "Второй Райх", оказалось неспособным решить стоявшую перед ним великую проблему, оно лишь хотело овладеть ею "сверху" (Бисмарк) или подходило к решению вопросов с "благотворительными" идеями. Лишь некоторые интеллектуальные лидеры (Перро, Лагард, Ницше) понимали, что речь идет о том, чтобы германская концепция справедливости противостояла демократическому биржевому миру.

Уже это соображение уводит нас от спора на рациональном уровне (наиболее целесообразна ли та или иная форма); с ним мы спускаемся вглубь, в область воли, ценностей. Ведь возмущение четвертого сословия изначально было протестом, порожденным чувством права, а Национал-Социалистическое движение - это, по сути, возвращение этого инстинкта, заблудившегося в марксизме, в сферу этих ценностей характера. В германском средневековье гильдии должны были быть такими чистыми, как будто их читали голуби; по древнегерманскому праву только человек чести был юридически грамотным; банкротство ганзейского сеньора было самым страшным, что могло с ним случиться. Сегодня социал-демократы расстреливают крупнейших рэкетиров (Бармата, Складарка и др.) и уже одним этим показывают, что они внутренне не способны бороться с коррумпированным капиталистическим миром, что они - лишь придаток худших отбросов этого мира. Банкротство сегодня - во многих случаях, конечно, не по его вине - стало для тысяч людей слишком желанным средством "ликвидации предпринимательства", причем без каких-либо существенных правонарушений. Именно отсюда, из восстановления германской хозяйственной этики, должно исходить оздоровление нашей жизни. Когда идея чести станет высшим благом народа, когда все экономическое поведение государства, сообществ и отдельных людей будет соизмеряться с понятием чести, когда судья будет выносить свой приговор с этой точки зрения, только тогда будут созданы первые и самые необходимые предпосылки для столь обсуждаемого "оздоровления экономики". И именно из этого царства ценностей будут вытекать формы и технические необходимости отдельных вопросов. И здесь к этому добавляется осознание того, что именно от общей политической судьбы нации зависит расцвет или упадок экономики. После 1871 года мы не решили проблемы, у нас был выбор: идти дальше по стопам Генриха Льва и Фридриха Великого в направлении "часто" или чрезмерно индустриализироваться. Мы выбрали второй путь, путь "экономического" завоевания, и создали себе не врага, как в первом случае (Россию), а вражду всех государств, уже участвующих в мировой торговле, не задумываясь хотя бы о последствиях союза с Россией в жертву Австро-Венгрии. Сегодня эта экспортная политика вновь продолжается под давлением политики дани, наполняя казну Франции и вызывая сопротивление всех остальных государств. До тех пор, пока здесь не произойдет явного перелома, нельзя всерьез говорить о реорганизации экономики.

Поэтому внешняя и внутренняя политика составляют органическое целое. Без возрождения характера и очищения внутренней жизни невозможна единая и мощная внешняя политика, а без умной внешней политики, ориентированной на главное, тем более трудно будет по-настоящему реализовать общее оздоровление нации.

*

В связи с этим в ходе борьбы за экономическую политику нашего движения на первый план все чаще выходит один вопрос: аграрная политика. То, что происходит сегодня под влиянием биологически подготовленного Национал-Социализма, - это восстановление репутации наших крестьян. Осмеянный в средние века правящим классом, обманутый в своих германских правах римскими юристами, припертый к стенке латиноязычными судьями, осмеянный в либеральные времена как интеллектуально отсталый и глупый, находящийся под угрозой открытого истребления марризмом, сегодня немецкий крестьянин празднует свой день почета в лице NSDAP.

Мы, освободившиеся от чуждых правовых концепций и либерально-марксистского преступного мира, признаем крестьянина не как класс среди классов, а как предпосылку нашего экономического существования, более того, как источник нашего расового обновления". (В космополитическом городе мы видим, как стремительно уходят поколения, как умирает на асфальте существование, и в искреннем протесте против этих явлений упадка мы обращаемся к нашей деревне. Не в смысле псевдоромантического энтузиазма, а из глубокого осознания того, что надежда на грядущее возрождение заложена и в сохранении деревенского этноса в его бесплодности, трудолюбии и плодородии.

Но мы, Национал-Социалисты, должны с гордостью сказать крестьянству: не ваши узколобые старые классовые партии сделали возможным спасение крестьянства, а солдаты, торговцы, да, бедные промышленные рабочие тоже сражались и проливали кровь за вас. То, что космополитический город, то, что марксизм сделал с крестьянством, Национал-Социализм исправил, и все большее число крестьян понимает сегодня, что и они должны ставить нацию как целое превыше всего и поэтому должны бороться в хитлеровском немецком освободительном движении, которое во многих отношениях стало современным продолжением когда-то кроваво подавленных крестьянских войн XVI века.

Только когда государственный кредит окажется в руках Национал-Социалистического правительства, не "прибыльные" элитные и экспортные отрасли будут разводиться в больших масштабах, а сельскохозяйственные угодья пускаться с молотка, но каждое творческое предприятие получит необходимую поддержку. Особенно по экономическим соображениям: ведь даже если экспортная прибыль кажется большой, в общей схеме вещей это убыток, если из-за нее приходится продавать с аукциона старые фермы, как это уже тысячи раз происходило сегодня. Это еще раз доказывает, что у нас вообще нет национального экономического мышления, а есть только различные классово-прибыльные групповые интересы.

Таким образом, проблема экономического возрождения является также частью восстановления идеи ценностей в социальной жизни, во внешнеполитической свободе и расширении пространства, в укреплении уровня жизни как необходимого условия жизни нашего народа в целом. Когда это будет достигнуто, мы сможем с уверенностью оставить решение отдельных вопросов тем, кто боролся за нашу политическую свободу*.

*Отдельные вопросы подробно рассматриваются в экономическом отделе NSDAP.

4. Мировоззрение, религия, политика.

Тема Национал-Социализма и религии занимает умы людей с тех пор, как на сцене появилась NSDAP. Адольф Хитлер с самого начала занял позицию государственного деятеля, который рассматривал факт существования различных религиозных конфессий как данность и хотел, чтобы политическое движение было выведено из религиозной борьбы. В своей работе "Mein Kampf" ("Моя борьба") он подчеркивает уважение к каждому подлинному религиозному убеждению, основанному на древнегерманских чувствах (которые вдохновляли вестготов и Теодориха, а также "языческих" фризских королей). Он также рассматривал христианство в самом широком смысле как явление, связанное с Иисусом Христом как реально существующей духовной основой нашего существования, и именно из совокупности этого отношения у него и других основателей Национал-Социалистического движения возник столь горячо оспариваемый § 24 программы. Казалось бы, все христианские конфессии должны были радоваться появлению рабочего движения, которое всеми силами готовилось к борьбе с душегубительным, атеистическим марксизмом, которое продолжало отстаивать идеалистическую идею против господства маммоны и, как когда-то Иисус, замахивалось веревкой на торгашей и меновщиков. Но произошло обратное! Та самая партия, которая заявляла, что проводит исключительно христианскую политику, поднялась на борьбу с Национал-Социализмом и по мере своего усиления все больше и больше становилась на сторону социал-демократии, которая враждебно относилась ко всякой религии. Она создавала коалиции с целью искоренения христианского немецкого рабочего движения и поддерживала те силы, которые годами финансировали движение за выход из церкви и не прекратили эту пропаганду до сих пор, даже после разрыва коалиций.

Было кое-что, что марксизм ненавидел так же сильно, как и Центр: сознательное чувство народа и апелляция к германской морали, как это было в § 24. Поэтому на католических конференциях, которые фактически являлись заседаниями Центра (Констанц 1923 г.), немецкий национализм представлялся как "величайшая ересь", а епископы (Майнц) и кардиналы (например, Бертрам) соревновались в осуждении этого "нового язычества", запрещали членство в NSDAP как князьям Церкви и даже в некоторых случаях не допускали католиков-Национал-Социалистов к таинствам. При этом они ссылались на католическую доктрину. Станным в свете этих попыток выглядит тот факт, что в строго католической Италии самый крайний национализм стал государственной позицией, государственным правительством, а Папа Римский, десятилетиями отказывавшийся от всякого примирения с либерализмом, заключил мир с лидером этого самого ярого национализма, даже назвав Муссолини "человеком Провидения" после подписания Латеранского пакта. Королевский гимн теперь еще чаще звучит из итальянских церковных органов, а о кардиналах итальянского происхождения говорят, что все они носят черную рубашку фашизма под пурпуром.

Немецкий народ сегодня требует лишь признания за ним такого же права на национальную гордость, права на создание настоящего национального государства, основанного на его характере. Если в этом им отказывают их церковные лидеры на основании "католической доктрины" в связи с итальянским фактом, который уже невозможно оспорить, то возможны только два следствия: либо существуют две католические доктрины, либо вера католических масс сознательно вводится в заблуждение для достижения политических целей. Поскольку первый вариант исключен (у Римской церкви одна голова), остается только второй. Хотя Центр выдвигал в качестве кандидатов в Райхстаг сионистов и представителей еврейских религиозных общин, а также принимал протестантов в качестве невлиятельных членов, он все же был сугубо католической конфессиональной партией. Как марксизм стремится увековечить раскол нации через доктрину социально-классовой борьбы, так и Центр объявил конфессиональную классовую борьбу против немецкой нации, перенес духовную, религиозную борьбу в сферу политики власти, и как социал-демократ имеет в виду только свой класс, так и лидер Центра имеет в виду только свои конфессиональные интересы.

Эта партия живет на противоречиях, и именно поэтому она с первого дня от всей души ненавидела NSDAP, потому что в ней, как в живом примере, религиозная терпимость в партии была воплощена в жизнь образцовым образом. Религиозные разногласия, философские споры должны были вестись вне партийной организации, как только она собиралась, как только SA надевали свои коричневые рубашки, не было больше католиков и протестантов, были только немцы, сражающиеся за существование и честь своего народа. Ни один соратник по NSDAP не спрашивал, католик он или протестант, принадлежит ли он к немецкой или реформатской церкви; важна была его деятельность на службе немецкой свободе. Глубокие раны Тридцатилетней войны окончательно закрылись в Национал-Социалистическом движении, так же как начали затягиваться раны марксистов и буржуазной классовой борьбы. Тогда возникла концентрическая борьба всех тех политических выскочек, которые из этих ран в теле народа сосали кровь для своего паразитического существования. Марксисты кричали "прислужники капитализма", гражданские лидеры - "национал-большевики", центр - "враги всех религий". Все они лгали.

Никогда еще с религиозным чувством не обращались так бессовестно, как центр и возглавляющие его политические прелаты. Но на одном моменте нетерпеливые диалектики сосредоточились особо.

Как уже говорилось выше, Национал-Социализм претендовал не на роль обычной политической партии, а на роль мировоззрения. Чтобы усилить борьбу с немецким национализмом, Центр указывает на это мировоззрение и объявляет его "языческой, антикатолической расовой экзальтацией". В ответ на этот боевой клич, бушующий сегодня как никогда, следует сказать, что мокрая наука установила различие и разнообразие рас, подобно тому как было сделано открытие в физической и химической областях. С таким открытием нельзя бороться никакими догмами и запретами, и церкви уже не раз приходилось склоняться перед этими догмами. Когда в свое время Коперник выступил со своим гелиоцентрическим учением, когда плоская земля с небом вверху и адом внизу стала сферой, свободно парящей в пространстве, против этого учения восстал целый мир догм.

До 1827 года (!) все работы, в которых преподавалась эта солнечная система, основывались на индийской. Конечно, открытие Коперника привело к совершенно иному, чем библейский, взгляду на мир, но это открытие не повлияло на истинную религию, зародившуюся в душе человека. Римской и протестантской церквям (Лютер назвал Коперника самозванцем и мошенником) потребовалось около 300 лет, чтобы принять новое мировоззрение, но они вынуждены были склониться перед ним, несмотря ни на что. Другой пример - отношение к родному языку. Они требовали использовать только языческую (здесь это выражение вполне уместно) латынь, Майстер Эккхарт яростно враждовал, отдавая предпочтение немецкому языку, но весь немецкий народ обязан своим объединяющим нацию высоконемецким языком еретику Лютеру, в чем протестант не меньше католика, даже если кузен-иезуит называет Лютера "обидчиком монахинь", "нецензурной свиноматкой" или "свинорылом". Устав ордена иезуитов гласил, что использование родного языка во всех вопросах, касающихся школы, не допускается. В 1830 году орден счел необходимым хотя бы для поэзии разрешить родной язык, и это в то время, когда Гете находился на закате своей жизни! А известный иезуит отец Дюр признавался: "С тех пор это оставалось основополагающим: Изучение родного языка похвально, но не следует превращать его в отдельный школьный предмет". Это гонение на самое дорогое, что народ называет своим, было преодолено, и сегодня сама Римская церковь, защищая интересы своих верующих, часто отдает предпочтение родному языку.

Аналогично обстоит дело и с расоведением по отношению к религии. Суждение епископа, кардинала или даже Папы Римского о расе в данном случае является частным мнением по биологической или политической проблеме, основанным на этом, которое стоит вне чисто религиозного авторитета, предоставленного ему благочестивым католиком. Догматический запрет уже не может отменить научное открытие.

В Средние века исследователей сжигали как колдунов, сегодня Ватикан строит себе радиостанцию, которую какой-нибудь Торквемада наверняка проклял бы как самое злое дело дьявола. Поэтому борьба с расовой наукой носит не религиозный характер, а является борьбой политических интересов, которые ранее спланировали своих избирателей на иной основе. Анафема против сознания крови будет преодолена по той же причине, по которой победил Коперник, а всемирно-историческая ирония заключается в том, что одним из самых чутких исследователей наследственных генов был католический священник Грегор Мендель...

Из этих объяснений следует, что мировоззрение и религия - это не одно и то же. Мировоззрение может существовать вне религии (атомистическое объяснение мира, натуралистический монизм), но может и включать в себя религию. Национал-Социалистическое движение - это народная политика, основанная на новом и в то же время извечном мировоззрении о ценности крови. Оно хочет защитить здоровую, хорошую кровь, независимо от того, хотят ли характеризовать это как творение Бога или как вечный природный процесс, в обоих случаях Национал-Социализм служит конструктивному принципу, что само по себе означает основное религиозное настроение. Самые тонкие душевные вопросы о Боге и бессмертии, судьбе и благодати остаются на усмотрение отдельной личности. Он может искать тех утешителей и советчиков, которые ему необходимы для развития его внутренней жизни.

В своей ненависти и критике § 24 Национал-Социалистической программы противники сознательно немецкого характера в Баварии, Силезии и на Рейне доходят до утверждения, что вообще не существует особого "германского чувства морали", которое можно было бы рассматривать как мерило для действий. Это означает вполне сознательное отрицание немецкого культурного самосознания в целом, чудовищное пренебрежение ценностью собственных предков. Ведь без характерологических предпосылок построения государства и общества Германия, например, вообще не возникла бы как живой организм, без воли к власти и творчеству не была бы завоевана сама земля, на которой сегодня сеют в основном те, кто стал бенефициаром этого колониаторского продвижения, но внутренне полностью отчужден от основателей благополучия, свободы и государственного строя. По сути, они паразитируют на достижениях своих отцов. И если государственно-строительный характер уже был частью германской морали, то в других сферах жизни и в искусстве он проявился настолько грандиозно, что нужно было бы проявить невиданную наглость, чтобы считать германцев такими же существами, как готтентоты или евреи. Например, когда вандал Стилихо стал регентом Рима, одним из первых его действий было запрещение гладиаторских боев, этого страшного символа развращенного, очеловеченного мира, перенявшего эти жестокие игры у этрусков Ближнего Востока. Позднее то же самое сделал великий остгот Теодорих, заменив гладиаторскую резню рыцарскими турнирами. И не впадая в одностороннее прославление германизма, справедливости ради следует отметить, что, например, песне Гудрун, песне гордой женщины, соответствует прекрасная духовная тоска, как и благородной, великодушной фигуре Зигфрида; и даже в Хагене на глубоком уровне примиряюще вспыхивает нечто безусловное, верность своему королю.

Германская мораль была той глубокой правдивостью перед самим собой, которая хотела дать отчет о себе, о природе, о космосе. Из этого стремления родились мистики, великие исследователи природы, вплоть до возвышенного учения Иммануила Канта о долге. А в немецкой музыке эта душа стала жизнью, выходящей за пределы мира, так что отрицание этой германо-немецкой ценности - это атака, направленная на разрушение немецкой души, которая всегда формировала мир*. То, что такое отрицание может быть открыто выражено, свидетельствует о глубоком падении, которое переживает сегодня Германия как нация, а также о необходимости всеобщего народного сопротивления без различия религиозных конфессий против действия, в конце которого стоит влажный хаос, духовное, а затем и политическое падение немецкой нации.

* *В официальном "Mitteilungsblatt" этой партии (№ 12, 1930 г.) говорилось: "Партия Центра не верит в германский идеал морали". Иного никто и не ожидал.

Слова о "германском чувстве морали" направлены против так называемой талмудической религии. Как бы кто ни относился к Ветхому Завету - как к чисто еврейскому выражению или как к искажению других, также арийских мыслей - остается на усмотрение отдельных исследователей. NSDAP ни в коей мере не ограничивает эти исследования, но и не выступает здесь в качестве стороны, что может служить просвещением, в частности, для строго ортодоксальных протестантских кругов, которые направляют свои нападки на NSDAP с этой стороны. Однако позиция в отношении позднейшего развития еврейского характера в Талмуде и Шулхан Арухе не может вызывать сомнений. Совершенно ясно, что здесь мы имеем дело с "моралью", которая бессовестно стремится использовать неевреев в своих интересах и объединить всю еврейскую общину в единообразно действующее сообщество посредством этого "религиозно" имманентного произведения, ложно называемого моральным кодексом. Иудеи пытаются выдать некоторые описки за "подделки", но даже если опустить спорные места, их остается более чем достаточно, чтобы безоговорочно отвергнуть эту безнравственность как с точки зрения христианской доктрины, так и с точки зрения германской морали.

К ним относится и весьма спорный вопрос о забое скота. Все немецкие эксперты сходятся во мнении, что забой - это ужасная жестокость по отношению к животным. Жестокость еврейского ритуала была неоднократно доказана в бесчисленных петициях гуманных ветеринаров и немецких ассоциаций, и NSDAP немедленно вступила в борьбу за отмену этой жестокости. Такое отношение к животному, как к спутнику жизни на этой земле, также является частью германского чувства морали, которое сегодня очерняется и которое не встречается у метисных народов. Шопенгауэр и Вагнер глубоко и решительно высказывались в защиту животного, и NSDAP придерживается этого мировоззрения. Казалось бы, Центр и Баварская народная партия должны вести борьбу на одном фронте, ведь христианское милосердие также направлено против ненужных страданий. Но именно BVP всегда голосовала против запрета на ритуальное жестокое обращение с животными в парламенте земли Бавария, который в итоге удалось принять только с помощью социал-демократов. Это оправдывалось "религиозной толерантностью", когда очевидная жестокость к животным также объявлялась религией. Такую же позицию занял центр в Райхе - концентрация антихристианских и антигерманских настроений, продиктованная страхом перед властью еврейских денежных мешков.

И последний, решающий для Национал-Социализма фактор - отношение Талмуда к личности Иисуса Христа. На него ссылаются многие формы религии, к нему восходят почти взаимоисключающие догмы, и NSDAP не принимает участия в борьбе по этим вопросам, поскольку они находятся вне ее компетенции. Однако она благоговейно относится к личности основателя христианства, который в конечном итоге возвышается над всеми церквями. Она всегда выступала за сохранение его имени и боролась против любых насмешек, чего нельзя сказать о Центризбиркоме и BVP. В Талмуде Иисус упоминается в нескольких местах, причем в невыразимо оскорбительной форме. Иисуса называют "повешенным", "ублюдком", "сыном зверя блуда". Особенно ярко ненависть за гранью смерти выражается в том, что в Талмуде Иисус за свои злодеяния судится в аду "кипящим навозом".

Талмуд и сегодня является обязательным моральным кодексом для большинства евреев, что не помешало Центру увенчать свою антихристианскую практику тем, что в 1930 году он посмел представить избирателям председателя берлинской еврейской общины Георга Карески в качестве кандидата в депутаты Рвйхстага!

Карески - восточный еврей-эмигрант, поэтому он особенно лоялен к Талмуду, к тому же он - лидер сионистов, т.е. представитель еврейско-расового крайнего национализма; если немецкий национализм ядовито отвергается Центром как ересь, то всееврейство признается включением его экстремистов в руководство партии Центра. Тот факт, что Карески был директором еврейского валютного еврейского валютного спекулянта Якоба Михеля.

Невозможно представить себе худшего издевательства над Иисусом Христом, чем кандидатура Карески, иудея Талмуда, а также лишает Центр в целом права представлять себя в качестве представителя как католической, так и христианской мысли. Решают последние, а не лицемерное пустословие.

Много лет назад, когда на выставке в Мюнхене было представлено распятие, ужасно издевающееся над Христом, Адольф Хитлер выразил протест против этого вызова христианской Германии, против чего правительство Баварской народной партии не возражало. Только после этого "скульптура" была убрана. Именно NSDAP выступила против насмешки Георга Гросса в его папке с рисунком "Ессе homo", но прусский суд под руководством министра юстиции Центра оправдал Гросса!

Первое, что сделал Национал-Социалистический министр образования д-р Фрик в Тюрингии, - рекомендовал христианские школьные молитвы в сочетании с молитвой о воскрешении немецкого отечества. Реакцией на это стало наступление марксизма и центра. А потом был Имперский суд, который признал эти молитвы неконституционными...

В Брунsvике социал-демократы долгие годы находились у власти. В 1930 г. в этой земле также появился Национал-Социалистический министр. Он вновь ввел в школах молитву для обеих христианских конфессий, которая ранее была запрещена. Центр, который в течение многих лет был союзником атеистического марксизма в Пруссии, не счел нужным оказывать давление на своих брауншвейгских товарищей. Достижение политических синекур превалировало над всем остальным.

Сегодня, когда Центр нагло заявляет, что Национал-Социализм организует новый "Kulturkampf", т.е. готовит государственные гонения на католическую церковь, - это подстрекательская ложь самого худшего сорта. Как бы ни относился отдельный Национал-Социалист к той или иной религиозной догме, он всегда отвергал и будет отвергать впредь любое властно-политическое вмешательство в конфессию. Он доказал это своими действиями. Центр в целом поступил наоборот: он устами защищал католические догмы, но своими союзами с марксизмом дал возможность последнему вести безудержную атеистическую пропаганду, тем самым оказывая помощь всему большевизму, и ожидание религиозного обновления есть, таким образом, гибель марксизма и поражение Центра, пока он на практике порождает весь марксизм.

С протестантской стороны аналогично настроенные политэкономические рыцари наблюдали за ростом антимарксистского движения. Теперь они основали конфессиональную партию, аналогичную Центру, - Христианско-социальную народную службу. Не приходится сомневаться, что Национал-Социализм занял по отношению к этому "протестантскому" фонду точно такую же позицию, как и по отношению к "католическому" Центру. Большие успехи "Volksdienst" свели бы великую освободительную борьбу немцев к конфессиональным разборкам или, во всяком случае, вновь низвели бы ее на уровень, который должен стоять вне великой политической фронтальной битвы. Кстати, первое, что сделала фракция этих "протестантов" в Райхстаге, - проголосовала против кандидата от национальной оппозиции на пост председателя Райхстага. Вместе с Центром они предпочли проголосовать за поборника отказа от военной службы по соображениям совести, левого социал-демократа Пауля Лёбе. И в этом случае речь шла об откровенном предательстве как национальных, так и христианских идей.

При таком предательском, сугубо материалистическом отношении политических представителей обеих конфессий неудивительно, что растет движение за выход из церкви, чрезвычайно разрастаются секты адвентистов, "Ernsten Bibelforscher" и т.д., а Московский интернационал безбожников готовится к организованному уничтожению всех религиозных ценностей и использует для этого огромные средства. NSDAP также принимала меры против этих разрушающих народ сил (в Мюнхене митинги "библейских студентов" были запрещены Баварской народной партией только после четких слов с нашей стороны), но факт распространения всех этих течений свидетельствует о слабости внутренней рекламной силы нынешних представителей как католической, так и протестантской церквей.

В компетенцию NSDAP не входит оценка глубинных идеологических причин, которые могут здесь присутствовать, но она считает, что имеет абсолютное право и настоятельную обязанность указать на одно явление: продвижение духовенства в партийной борьбе. Уже Бисмарк критиковал Штоккера за стремление быть одновременно активным проповедником и политическим лидером, точно предчувствуя, что общая национальная политика поневоле будет подчиняться чисто конфессиональным соображениям и что психика пастора и лидера политической кампании не может органично сочетаться. Сегодня в Германии мы вновь столкнулись с тем, что другая партия - общий центр - находится под чисто клерикальным руководством. Партийным лидером Центра и одновременно его внешнеполитическим лидером является (вместе с прелатом Улицкой) прелат Папского дома доктор Каас, фактическим лидером Баварской народной партии - лидер парламентской группы в Баварии каноник Вольмут, лидер парламентской группы этой партии в Райхстаге, а также ее внешнеполитический представитель каноник Лейхт. Основной вес в Ассоциации католической прессы находится в руках прелата Мюллера, прелаты Фохсель, о. Маккерман С.И. и др. работают с общественностью в интересах Центра, а священнослужитель д-р Моениус (редактор "Allgemeine Rundschau") называет своей "католической" задачей "сломать хребет" (немецкого) национализма и не допустить образования немецкого национального государства "Парижское сердце Франции").

Таким образом, католические священники оказываются на переднем крае политики Центра (патриотически настроенным священнослужителям, таким как аббат Шахляйтнер, доктор теол. Хаузер и др. просто запрещено выступать), и когда борьба против политики Центра по развращению народа принимает также форму отвержения лидеров, это называется "священноборчеством".

И здесь Италия в очередной раз показала пример - по приказу Папы Римского. Там тоже во времена либерализма и марксизма существовала либеральная католическая партия под руководством священника дона Стурцо, так называемая партия "Популяри". Дон Стурцо был яростным противником фашизма, обвиняя его в "отравлении нации" и т.п., вполне в духе немецких прелатов центра. В 1923 г. в ситуацию вмешался Ватикан, запретив дону Стурцо и всем священникам заниматься политической деятельностью, а папа Пий XI официально заявил: "Католической партии нет и быть не может. Католические фундаментальные суды и политические права находят свое воплощение и толкование в самой Церкви*" Из этого заявления можно сделать два вывода: либо существует несколько взаимозаменяемых католических мировоззрений, либо центру безразлично папское мнение в вопросах политико-материальных благ. Поскольку первое для католиков неприемлемо, они должны принять решение о втором случае, что выставляет руководителей центра, которые, в конце концов, были верными соратниками Маттиаса Эрцбергера и по сей день превозносят его, в весьма выгодном свете.

* Интересно в этом контексте суждение римской корреспонденции "Veritas" (№ 3 от 17 января 1931 г.), которую публикует личный друг Папы Пия X. Дословно оно гласит: "Политические бездельники (brocanteurs) от католицизма, Стурцо, Саннье, Штратман со своими стадами (bandes), Немецкий центр, связанная с ним Баварская народная партия и как бы они ни назывались (tutti quanti), больше не ставят себе никаких преград в своих нечистых делах. Один из членов Баварской народной партии Мартин Лойбль дал объявление о коммунистическом собрании в местном партийном органе - газете "Neuburger Anzeigblatt". Дословно объявление гласит: "Коммунистическая партия Германии, докладчик местной группы... Но что же на самом деле делают добрые священники, застрельщики и вербовщики партии? Неужели они ничего не говорят? Они загипнотизированы или они предатели?".

Ведущая южногерманская центристская газета "Augsburger Postzeitung", яростный противник немецкого движения за свободу, сочла нужным признать, что "неоязычество" (так теперь называют Национал-Социализм фанатики центра) сегодня идеалистично и героично. Она только забыла добавить, что многие из тех, кто считает себя призванными учить как священники царству не от мира сего, своей политической деятельностью все больше погружаются в материальное и уже не могут быть тем примером, которым должны быть. Все это ощущается людьми во всех местах, и это одна из причин, почему антирелигиозная критика падает на благодатную почву. Задача прелатов центра состоит не в том, чтобы, выступая на народных собраниях с католическими речами, тут же делить свои политические синекуры с коллегами по атеистической марксистской коалиции, а в том, чтобы уйти с политической арены и вновь стать теми, кем они были призваны быть - пастырями. Сегодня нация как никогда нуждается в утешителях человеческой души, но здесь необходимо отметить, что дух ненависти центристов проник даже в те круги, которые внешне не являются политически заметными. Бывает, например, что баварский священник с кафедры открыто клеветает на Адольфа Хитлера, утверждая, что тот выплюнул хозяина. На священника был подан иск, он был осужден за клевету, но был оправдан. Так что свобода от клеветы для священников центра есть! На исповеди под угрозой сурового наказания и мучений кающимся запрещают посещать Национал-Социалистические собрания, читать "Völkischer Beobachter", женам говорят, что они должны отказать своим мужьям в выполнении супружеских обязанностей, если те не будут голосовать за Центр, и т.д. Все это - в сочетании с чудовищными преследованиями священнослужителей, не агитирующих за Центр, - возмущало здравомыслящих людей, которые все чаще видели, как исчезает пастор и появляется узколобый разделитель Центра.

Конфликт между фашизмом и "Католическим действием", разгоревшийся в 1931 г., принес особенно примечательные разъяснения. На основании самых постыдных разоблачений последняя была обвинена в том, что она тайно ввела в свое руководство антифашистских лидеров - товарищей дона Стурцо - и организовала заговор против государственного строя Италии. Последовала ожесточенная борьба в прессе, начались переговоры, в результате которых в сентябре 1931 г. было достигнуто соглашение.

Новое соглашение между итальянским правительством и Ватиканом в вопросе "Католического действия" носит все признаки ожесточенной борьбы с обеих сторон за каждый сантиметр желаемых выгод. Однако оба партнера не хотели разрыва, оба отказались в итоговом протоколе от какого-либо догматического определения различных взглядов на вопросы воспитания итальянской молодежи, но на практике оказалось, что Ватикан вынужден был уступить почти везде, в то время как Муссолини, безусловно, уступил религиозному занятию "Католического действия", что было и ранее. Отказавшись от общественных организаций "Католического действия" и даже от спортивных состязаний, Ватикан отказался от заявленного права на социальное влияние в первом случае и полностью оставил это поле фашизму. Это также признание того, что, вопреки утверждениям "Osservatore Romano", в прошлом речь шла о сфере государственной политики, которая теперь однозначно исключена.

Далее буквально прописано, что "Католическое действие" носит исключительно епархиальный характер, в его руководство не входят миряне, а руководителями могут быть только священнослужители, не являющиеся противниками фашизма. Помимо четкого ограничения деятельности "Католического действия", государство, таким образом, обеспечило себе право вето на любые попытки протащить в руководство "Католического действия" последователей дона Стурцо (итальянского центриста!) даже после заключения нового соглашения. Этот пункт вынуждает Ватикан провести чистку в руководстве "Католического действия", которая, несомненно, будет тщательно контролироваться правительством.

Новое соглашение также лишает "Католическое действие" всякой символики: флагами, под которыми разрешено выступать ассоциации, кроме чисто религиозных символов, является только государственный флаг Италии. Этот момент немаловажен, поскольку если сторонники "Католического действия" будут маршировать под флагом, который несут и фашисты, то в результате получится примирительный элемент в пользу государства.

Все эти положения представляют интерес и за пределами Италии, поскольку и без принципиальных разногласий имеют внутреннее программное содержание: ведь соглашение представляет собой дальнейшее уточнение отношений между национальным государством и Римской церковью в условиях XX века. Если раньше Ватикан претендовал на мировое политическое господство, затем отказался от политики *pro forma*, а потом вынужден был оправдываться за то, что вообще посягнул на государственную политику, то теперь он признает необходимым для государственного мира, чтобы подчиненные ему объединения могли быть только церковно-религиозными, даже не общественно-организационными, да и то возглавлять их могут только люди, против которых ничего нельзя возразить с точки зрения господствующего в государстве национализма.

Понятно, что Муссолини не добился бы всех этих уступок, если бы Ватикан не чувствовал себя виноватым в связи с разоблачениями в испанской "Lavoro Fascista" заговора его высших сановников против фашизма и не опасался, что в случае провала переговоров может начаться драка, которая, учитывая ситуацию на Пиренейском полуострове, привела бы к опасениям еще больших потерь, по крайней мере, в плане престижа.

Муссолини, в свою очередь, благоразумно прекратил борьбу с Ватиканом в прессе, в том числе и в интересах свободы движения своего государства к внешнему миру, сохранив тем самым возможность мирного урегулирования. Он воздержался от каких-либо постыдных унижений и унижений и, подчеркнув желательность религиозного воспитания со стороны церкви, к которому привержен почти весь итальянский народ, смягчил видимость отступления со стороны Ватикана.

Когда фашистская пресса заявляла, что Петр получил то, что ему причитается, а Цезарь - то, на что он должен претендовать, - это совершенно христианское, правильное толкование. Это все более четкое разграничение необходимо проводить и в других государствах, ибо тогда не будет "культурной войны", будет сохранена свобода совести для всех религиозных общин, а государство действительно станет организованным национальным сообществом для защиты прав и будущего всего народа, какие бы метафизические, философские идеи ни доминировали в отдельной личности.

Оживление религиозной жизни наступит не раньше, чем священник в Германии также вернется к своему истинному служению и подчинится постановлениям и соглашениям своего церковного лидера.

То же самое относится, конечно, и к протестантам. Самым красивым культурным расцветом протестантизма, несомненно, были протестантские пасторали в небольших городах и деревнях. Здесь же космополитический город оказывал нервирующее воздействие и пробуждал амбиции, которые при иных обстоятельствах направляли силы в чисто духовное русло. И здесь священнослужитель, пока он работает в этом качестве, должен исчезнуть с парламентской трибуны и не высовываться из политических собраний.

Мы не хотим ограничивать жизнеспособность ни протестантского, ни католического священника: но с кафедры и в той форме, в какой этого требует его служение, предназначенное для всех, он должен заниматься общим национальным, общим социальным, общим культурным (в крайнем случае, на больших общенациональных митингах). Именно здесь лежат большие возможности для деятельности, и только это является единственным рычагом углубления и обновления религиозной жизни. Для пастора так же противоестественно становиться парламентарием, как для государственного деятеля - видеть себя в исповедальне. В органически обоснованном разделении сфер деятельности кроется первое предвидение новой, психически здоровой клеточной структуры Германии; огромное количество недоразумений и разногласий тогда вообще не возникло бы.

Поэтому государственное мышление Национал-Социализма само по себе могло быть только приветствуемым для истинно религиозных чувств; спор возникает только потому, что церкви, особенно единообразно организованная в международном масштабе римско-католическая церковь, расширяют область религиозного до такой степени, что хотят охватить и все социальное, а значит, и политическое. Национал-Социализм не может изменить это отношение иерархического центра, находящегося за пределами Германии; поэтому его государственный долг состоит лишь в том, чтобы через договоры с церквями оставить все государственное управление нетронутым особым церковным влиянием, а также классовыми и социальными интересами. Она не должна из соображений внешнеполитического удобства предоставлять одной трети католиков больше прав, чем двум третям протестантов. Более того, она должна полностью отказаться от разговоров о "паритете" в распределении должностей. Требование назначения на политические должности по религиозному признаку будет способствовать разложению общественного мнения и государственного управления. В грядущем государстве назначение на должности должно осуществляться только по результатам работы на благо всего народа.

Даже если на этой земле не удастся избежать гуманизма, стремление к выполнению этого принципа - единственное, что может гарантировать высшую степень справедливости и стимулировать оправданное стремление человека к прогрессу.

Национал-Социалистическое государство в принципе готово к заключению соглашений с церковными общинами. Представители протестантской и католической церквей находятся с ним на равных правах, хотя государство должно оставить за собой право говорить от своего имени в случае занятия важных постов. Если же договориться не удастся, то грядущей империи придется по собственной инициативе регулировать отношения между государством и церквями в смысле полной религиозной терпимости, действительно востребованной религиозной жизни, исключая при этом возможность посягательства представителей конфессий на политическую жизнь государства. Учитывая этот четкий аспект, возможно, и Ватикан когда-нибудь сочтет более целесообразным приходить к твердым соглашениям. Времена, когда церковь считала, что может диктовать свои законы государствам, прошли, несмотря на ту огромную власть, которой она достигла во многих местах. Трения между Ватиканом и фашизмом в 1931 году, события в католической Испании, отношение даже маленькой Литвы к Ватикану, тенденции национально-католического характера у чехов и т.д. - все это симптомы радикального изменения настроений в народе. Если Римская церковь и впредь будет занимать ту позицию, которую провозглашают призывы кардиналов Фаульхабера и Бертрама против германского национализма, то и национально-католическая Германия поймет необходимость защиты государства, от прочности которого зависит и ее политическая и экономическая судьба.

Поэтому решение проблемы церкви и государства не будет рассматриваться Национал-Социализмом догматически, а будет решаться в соответствии с обстоятельствами будущего. Тот, кто по доброй воле даст народу то, что ему необходимо для борьбы за свое самоутверждение в этом мире, может жить в мире с Национал-Социалистическим государством. Кто не желает этого, тот должен смириться с последствиями.

5. Возрождение нравственности.

Как и в области религии, так и NSDAP не может взять на себя обязательства перед всеми своими членами в вопросах культуры, которые были бы описаны во всех деталях, помимо нескольких основных принципов, поскольку в искусстве, философии, научных убеждениях и т.д. преобладают, да и должны преобладать, очень разные темпераменты, и часто самая ценная творческая сила заключается именно в субъективной исключительности, с которой художник отстаивает свое мнение или ученый - свою теорию. Однако, несмотря на это, культурная политика является одним из важнейших направлений, ожидающих Национал-Социализм сегодня как политическое движение, а завтра как основу государства и правительства Райха, потому что все расовые улучшения, все вырождения и расовая гигиена - это только половина дела, если вместе с ними не идет гигиена души, если все душевные и духовные силы не иницируют подлинное, глубокое возрождение, оплодотворяя заново окостеневшую жизнь. И здесь мы можем сказать следующее, глядя как назад, так и вперед, признавая при этом наши самые личные культурные убеждения.

Политический и экономический крах Германии был не просто внешним событием: он стал притчей о внутреннем неверии в ценность немецкого народа и того дела, которое он отстаивал; бесцельность немецкой политики, таким образом, предстает как признак отсутствия общего национального, государственного и культурного идеала. Поэтому одиночество, заброшенность, внутренний разлад и безнадежность - отличительные черты многих немцев, озабоченных душевным и духовным благополучием своего народа.

Большинство тех, кто был призван защищать немецкое духовное наследие и творчески нести его в будущее, преследовали два фантома: эго и так называемое человечество. То, что между этими идеями лежала скрепленная кровью Народность, часто принималось почти со стыдом, как необходимое зло, а не как первоисточник всего творчества. Сегодня восторжествовали все противоборствующие силы, которые без всякого народного сознания политически выступают за всемирную республику (или пан-Европу), а морально хотят создать "человеческую культуру", не укорененную ни в какой почве.

Индивидуальный человек, таким образом, также рассматривается в культурном плане без всякой связи с расой, народом, государством, языком и историей и теоретически объединяется с сотнями миллионов индивидуальных существ из других народов, государств и континентов... Подобно тому, как современная международная экономическая система ставит во главу угла голую идею наживы, истинной движущей силой проповеди человечности является развязанный эгоизм, доктрина, которая должна позволить человеку организовать свою жизнь и свой труд на службе морали без каких-либо обязательств перед народом и государством. Однако, чтобы прикрыть это голое материальное поклонение, говорят о долге перед так называемым человечеством, которое, однако, остается пустой фразой из-за отсутствия реально существующей, осязаемой сущности.

Однако на фоне этого почти всесильного сегодня течения постепенно приходит осознание того, что полная победа интернациональной идеи в ее различных формах приведет не к гармоничному человечеству, не к "культуре человечности", а к хаосу во всех сферах жизни. Знамения времени кричат нам об этом каждый день. Поэтому во всех государствах пробуждающиеся силы наконец-то начинают действовать, чтобы создать здесь противовес, как мы видим, например, в Германии, во многих местах, независимо друг от друга, эта органическая творческая воля готовится к духовному восстанию. Мы твердо убеждены, что эта защита от сил хаоса, осознание первостепенной ценности скрепленного кровью народа, национальной и социальной солидарности однажды перерастет в мифическую силу. Эта вера придает мужество. Придать цель, форму и силу пока еще разрозненным и борющимся силам - вот великая задача сегодняшнего дня для спасения нашего умственного и духовного будущего.

Сегодня недочеловек поднялся из глубин загрязняющих нас всех городов мира. Миллионы жалких выкорчеванных людей выброшены на асфальт, лишены пространства, денационализированы, лишены направления, отданы на милость всех ослепительных популярных обольстителей, которые сегодня осмеливаются представлять в так называемой мировой прессе культуру мулатов и негров как высшие достижения современности. Они являются предвестниками упадка так же, как когда-то международные эллинисты в упадочной Греции и сирийско-африканские пацифистские салоны в упадочном Риме.

Как бы ни были по-своему организованы различные культуры, суть морали германского Запада раскрывается в изречении Фихте: "Истинная культура - это культура убеждений". Здесь раскрывается действительная движущая сущность всех наших культурных творений, ибо именно на ценностях убеждения базируются все социальные предпосылки культурного творчества, они же являются движущим мотивом германской жизни и прежнего германского чувства справедливости. Никто не воспринимает этот факт яснее, чем прирожденный враг видовой морали: уже упомянутый, сконцентрированный сегодня мусор городов мира и правящее там под еврейским руководством интеллектуальное и неинтеллектуальное недочеловечество, которое сегодня влияет на миллионные армии и командует ими, которое местами уже подожгло эти армии и продолжает изо дня в день работать над тем, чтобы осуществить это повсеместно. Эта борьба против всех ценностей европейской морали, особенно германского характера, несколько завуалирована в политической борьбе, поскольку здесь "социальные требования" еще позволяют обелить действительные разрушительные намерения; даже чисто политические начинания еще могут настаивать на определенном "чувстве объективности", поскольку иногда можно вроде бы обоснованно не соглашаться с теми или иными целесообразными мерами по обеспечению политического существования. Но эта самая великая разрушительная ярость неприкрыто присутствует во всей области морали и может быть продемонстрирована во всех областях в пугающе явной форме. Короче говоря, это инстинктивная, а также в основном сознательная борьба за ниспровержение всех тех ценностей, которые определяли германо-немецкую культуру даже вне всяких других социальных и политических коллапсов.

Каждый активный немец знает, как далеко уже зашло глушение немецкого свободомыслия и распад всех культурных устоев. Но слишком часто он считает, что только в его профессии экономический негерманский террор оказывает удушающее воздействие. Однако так обстоит дело во всех областях. Ситуация угнетающе тяжелая. Но именно поэтому решительное восстание становится долгом, чтобы вернуть немецкому духу право на власть в своей стране и создать пространство для брожения сил подрастающего поколения, которое с раннего возраста отравлено больше, чем это осознают его родители. Ряд процессов последних лет должен был встряхнуть всех активных людей здесь.

В этом виноваты прежде всего мы сами. Но эта вина требует искупления.

Мы считаем, что вина за это лежит на сегодняшнем интеллектуальном бедламе, когда ученых лишают права преподавания, потому что этого требуют сильные мира сего, а вместо этого навязывают немецкому студенчеству мужчин, которые оскорбляют немецкого фронтовика и немецких руководителей в трудные времена. Мы переживаем, когда немецкие художники сегодня систематически уничтожаются в пользу эротических сенсаций. Мы искупаем вину за то, что немецкие поэты голодают, не имея возможности достучаться до своего народа, потому что между ними возвышается негерманский театр, а международный преферанс молчанием парализует самые ценные силы. Мы искупаем вину за то, что наша правовая система коррумпирована и всякая вера в справедливость исчезает. Искупление заслуженное, и иначе и быть не может, если носители немецкой сущности во всех слоях нации не поднимутся на сопротивление в борьбе за свободу мысли и творчества. Понятно, если в сложившейся ситуации многие из лучших хотят тихо и безвыходно уйти в свое творчество. Но помимо того, что лишь очень немногие могут реально осуществить это, а остальные должны быть подчинены своим врагам: именно эту изоляцию всех ценностей хотят осуществить объединенные силы недочеловека, правильно понимая, что достижение этого самоустранения от активной жизни равносильно отказу от всякого самоутверждения. Эта изоляция немецкого культурно творческого человека является, вероятно, одной из самых глубоких причин, приведших к нынешнему положению вещей, но великое бедствие не может быть преодолено путем устранения частичных повреждений в отдельных случаях, а только в том случае, если новый, органически укорененный общий взгляд на жизнь возьмет на себя борьбу и призовет в соратники те "тысячи рук", без которых не могут быть реализованы даже самые прекрасные мысли. Иными словами, когда национальная интеллигенция мужественно встает перед народом, от которого она когда-то отчуждалась.

Поэтому суть подлинного, активного искупления состоит в защите, в подхвате подлинной традиции, в воссоздании ее на основе вечных ценностей нации и в отстреле тех сил, которые толкают ее вперед. Для этого вся работа должна начинаться с устного и письменного информирования о реальных обстоятельствах, чтобы преодолеть пугающую неосведомленность, затем пробудить чувство и волю к сопротивлению всем носителям разрушения, а также собственной вине и слабости. И, наконец, необходимо создать форум для всех многообразных, связанных кровью немецких сил во всех сферах жизни.

В 1808 году Фрайхерр фон Штейн писал прусскому королю: "Но если принято сильное решение, то удалите всех друзей спокойствия, чтобы все не было парализовано и остановлено в своем поступательном движении".

В таком решении кроется духовный перелом нашего времени. Если оно не будет принято, то вся "немецкость" останется пустым пустословием, произносимым лишь для того, чтобы не выдать слабонервного трусливого сердца.

Национал-Социализм должен исходить из этого осознания общей ситуации и поэтому продвигать в культурной сфере все, что служит этим идеям, и бороться со всем, что прямо или косвенно находится в рабстве у антигерманских сил. В разгар решающей борьбы за политическую власть NSDAP не имела возможности направить имеющиеся ресурсы на сплочение немецких культурных сил. Позднее она воздержалась от этого в целом, поскольку к тому времени (1929 г.) была создана основа, в начинаниях которой Национал-Социализм мог быть уверен: "Боевой Союз Немецкой Культуры", базирующийся в Мюнхене*. Эта организация провозгласила свою цель следующим образом:

* Национальный офис компании находится в Мюнхене, Barerstr. 50, телефон 26 758, почтово-чековый счет Мюнхен 16 481.

"Боевой союз немецкой культуры призван защищать ценности немецкой сущности в условиях современного культурного упадка и способствовать развитию всех видов культурной немецкой жизни. Боевой Союз стремится просвещать немецкий народ о связях между расой, искусством и наукой, моральными и волевыми ценностями. Он ставит своей целью приблизить к общественности в слове и письме значимых немцев, которые в настоящее время замалчиваются, и тем самым служить культурной немецкой нации в целом, независимо от политических границ. Она стремится создать условия для образования в школах и университетах, признающего национальность в качестве первой ценности, объединяя все силы, разделяющие эти устремления. В частности, она ставит перед собой задачу пробудить в подрастающем поколении всех слоев народа осознание природы и необходимости борьбы за культурные и характерные ценности нации и укрепить волю к этой борьбе за свободу Германии".

Художник и ученый, как правило, "аполитичен", что в определенной степени понятно, поскольку его сила творческого замысла проистекает из одиночества личности, но, тем не менее, он должен и обязан чувствовать в себе энергию гения своего народа, его кровь, и поэтому резко отделять себя от тех, кто отрицает эту кровь, стремится разьесть ее, отравить. Боевой союз немецкой культуры сделал этот важный шаг, в его распоряжение поступило большое количество немецких творческих сил, и поэтому возникающие отделы NSDAP по культуре и расе могут сотрудничать с ним.

Сегодня мы хорошо знаем, как тесно связаны власть и культура, поэтому мы также знаем, что культурное освобождение возможно только путем отстранения от власти сегодняшних правителей, которые, будучи последователями Гумбелей и Лессингов, политическими средствами пропагандируют антигерманское бескультурье и оказывают страшное, разрушающее душу воздействие.

Поэтому мы считаем важнейшей задачей каждого немецкого культурного объединения знакомство с подлинно видосознающими творцами во всех областях без всякой мелочности, их объединение, вселение в них надежды, избавление их от чувства заброшенности, с тем чтобы будущий немецкий правитель знал, кого он должен видеть на месте тех, кто сегодня плохо обращается с немецкой душой в университетах, академиях, в неакадемических учреждениях и т.д.

В области культурной политики Национал-Социализм рассматривал как организацию политической борьбы, где должен был находиться центр работы по психическому заражению: в прессе (§ 23). Здесь требуется, чтобы все редакторы были народными соотечественниками, чтобы на издание ненемецких газет требовалось государственное разрешение, чтобы финансовое влияние на немецкие газеты было невозможно. В нем также говорится: "Мы призываем к общественной борьбе против художественного и литературного движения, оказывающего разлагающее влияние на нашу национальную жизнь, и к закрытию мероприятий, нарушающих вышеуказанные требования".

В этом и состоит великая задача, в той мере, в какой она является только государственной: ведь государство, если оно не хочет задушить живую жизнь, может быть по большей части только превентивным, ограничительным в вопросах культуры; творческой может быть и остается только личность. Однако крайне важно, чтобы в руководстве государства находились культурно творческие, индивидуальные, видовые люди, а не интернациональные марксисты, но и не закостеневшие бюрократы или лицемерные изуверы. Поэтому в центре наших действий находятся не заповеди и запреты, а люди.

Если расовая гигиена в сочетании с расовым возрождением должна создать физическую предпосылку для здоровья, то система образования сразу же атакует дух и душу немецкого ребенка, и в этом вопросе NSDAP вступает в ожесточенный конфликт со старыми силами.

Если мы признаем, что именно характер является основой государства и общества, то воспитание будущего немца будет означать прежде всего воспитание характера. В этом Национал-Социализм принципиально отличается от интеллектуального течения последних ста лет, которое делало упор на знания. Эта интеллектуализация все больше заслоняла природный инстинкт, порождала "экспертное" существо, лишенное живого, кровно связанного с ним центра. Именно поэтому в Германии было так много "объективности" и так мало страстного представительства народа в целом, именно поэтому и сегодня немецкая нация дает величайших авиаконструкторов, гениально задуманные дирижабли, лучшие гигантские пароходы, так много выдающихся "правоведов", но так мало государственных деятелей. Поэтому великий политический феномен Адольфа Хитлера был, если смотреть с самого верха, буквальным спасением характера в двенадцатом часу, которое взяла на себя душа немецкого народа. И с тех пор Национал-Социализм стал величайшим воспитателем народа, который был у Германии со времен Старого Фрица и людей 1813 года.

Он дал миллионам людей понять характер борьбы в этом мире, пробудил в миллионах людей величие германской крови, словом, он снова дал немецкой нации, ее изобретателям и художникам, ее техникам и солдатам их "центр блаженства" (Гердер) и снова придал смысл всей Луне. Но для того, чтобы этот великий Латце продолжал формировать новые поколения, а не угасал после великой вспышки и затем забывался, национально-социалистическое народное государство должно требовать одного: школы! Против этого требования с горечью восстанут все те силы, которые правили до сих пор и которым Германия обязана своим упадком в характере, а затем и в политике. Одна группа из них - центр и значительная часть ортодоксального протестантизма - требовала церковной школы с предельной последовательностью. Вначале это еще называлось конфессиональной школой, но под этим понималась конфессионализация вплоть до естественных наук и изящной словесности. Здесь необходимо провести четкое разграничение. Как уже объяснялось, религия - это сокровенный вопрос совести, касающийся метафизических вопросов, которые ни одно государство не вправе решать силой или даже просто попытками приказа. Поэтому вопрос о том, в какой форме обучать ребенка религии, решается только родителями. А поскольку религиозные убеждения различны, то и религиозное обучение, разделенное по конфессиям, с Национал-Социалистической точки зрения должно быть поддержано, хотя при этом должно быть поставлено условие, что нельзя допускать ничего, нарушающего национальное самосознание. Однако по всем остальным предметам перед школой ставится задача не выпускать в жизнь лютеран, католиков, немецких церковников, реформатов и т.д., а немцев, сознающих себя народом и государством. Поощрение чисто конфессионального влияния (церковный надзор, особенно в сельской местности!) еще более усилило бы религиозное разделение народа и посеяло бы семена для последующих, непредсказуемых споров.

Словосочетание "Simultanschule"(общинная, неконфессиональная школа), противопоставляемое конфессиональным школам, имеет все признаки чисто либералистского мышления, которое держится только за внешнее, схематичное. Ведь духовной противоположностью конфессиональной и одновременной школы является немецкая национальная школа, которая не охватывает часть, а ориентируется на целое. Поэтому одновременность протестантов, католиков и т.д. будет само собой разумеющейся предпосылкой для всех других типов школ, которые еще могут быть по-разному организованы.

Отсюда вытекает задача создания новой версии истории. Она не будет окрашена католическими или протестантскими догмами, а будет основана на факте крови, разнообразии рас и расовых душ; она будет описывать борьбу нордической крови в Греции и Неме, германский характер в его развитии, его сильные и слабые стороны. И мерилom оценки в этом историческом исследовании будет то, очистила и укрепила или ослабила немецкий характер та или иная личность, то или иное историческое явление, то или иное течение мысли. Национал-социализм с благодарностью примет все предварительные работы в этой области (Лагард, Ранке, Трейчке, Вагнер, Чемберлен, Крик, Гюнтер) и всегда будет в поиске великих воспитателей народа, чтобы их работа не осталась словами или литературой, а стала жизнью, наполненной кровью.

Национал-Социалистическая Ассоциация Учителей работает комплексно над проникновением во все проблемы, и окончательная программная выработка всех принципов будет задачей всех педагогических сил этой организации*.

* Мюнхенский офис, Briennerstr. 45.

То же самое относится и к правовой жизни. В § 19 нашей программы содержится принципиальный призыв к замене сегодняшней еврейско-римской правовой системы немецким общим правом. Даже в вопросе организации такого права придется преодолеть некоторые разногласия в деталях. Но одно для нас является доминирующим: грядущее немецкое право будет прежде всего обязательственным правом. Распадающееся поколение либералов не стало исходить из закона целого, который делает возможным существование человека как гражданина и реализацию этого существования, а катастрофически сместило акцент идеи права на этого человека. И хотя органически выросшие скрепы здорового прошлого все еще скрепляли армию и государственную службу, а культурная традиция все еще скрепляла души, несмотря на это, как в политической сфере посредством беспощадной демократии, так и в фуристической сфере индивид был объявлен юридически самодержавным, а почти все объекты, с которыми ему приходилось иметь дело, были низведены до статуса товара. "Каждый собственник вещи может делать с ней все, что ему заблагорассудится", - гласит печально известный параграф Германского гражданского уложения (§ 903). Это обратная сторона старого немецкого принципа права, согласно которому общее благо превалирует над собственными интересами, - принципа, который особенно подчеркивается в программе NSDAP, а именно в § 24, определяющем религиозную установку движения. И действительно, ценность подлинного чувства религии заключается в этом внутреннем отношении к вопросу о праве и долге. Оно прямо ведет к грандиозной и простой формуле Иммануила Канта: "Нравственность есть в действительности учение не о том, как нам сделать себя счастливыми, а о том, как нам стать достойными счастья". Эта внутренняя гордость возвышается над "правом" эго служить делу возвышенной идеи, и только так человек становится личностью. Даже если в индивидуальной жизни каждый человек бесчисленное количество раз грешит против этого основного принципа, тот факт, что он признает его оправданным для себя и только для государства, придает стиль, характер и последовательность целому и делает искупление и искоренение со стороны этого целого необходимыми последствиями лжи, которая ущемляет или уничтожает свободу этого целого. В условиях же индивидуалистического права каждый рэкетиер чувствует, что прокуроры и судьи - лишь помехи в его "глубоко оправданной" работе по накоплению богатства, даже если для этого приходится перешагивать через трупы. Еще один шаг - и мы приходим к социал-демократическому тезису о том, что каждый должен иметь "право" на измену и что за это не следует наказывать. (В прессе марксистской школы уже безнаказанно могут появляться статьи, в которых автор обещает разоблачить все известные ему возможные вооружения Германии перед иностранными государствами). Это высказывание прямо подводит к спорному понятию собственности.

Ведь то, что делает марксизм в этом и других случаях, - это грубое посягательство на народную собственность, которая заключается в национальной свободе, в государственном суверенитете, в возможности защищать территорию нации, представлять ее моральные и материальные интересы во всем мире. Таким образом, существует священная собственность в высшем смысле слова, которая стоит над всеми индивидуальными интересами, и которой все остальное должно быть подчинено как функции этой высшей идеи!

С этой точки зрения Национал-Социализм признает законно приобретенную собственность во всех сферах. Изобретение, поэтическое произведение - это собственность, как и деньги, накопленные маленьким человеком честным ежедневным трудом. Но если самовлюбленный гений захочет использовать изобретение против всего народа, то народ в целом должен будет сделать это действие столь же безвредным, как и драма, как бы искусно она ни была написана, в пользу измены или спекуляции честно заработанными деньгами, которые вредны для народа.

Степень ограничения понятия частной собственности здесь зависит от строгости понятия общего блага, под которым в высшем смысле опять-таки понимается совокупность ценностей морального облика всего немецкого народа. Выражаясь наглядно, сегодня "предприниматель" может пройти километры, прежде чем столкнется с уголовным судьей, если вообще с ним столкнется, но завтра, когда Национал-Социалистическое государство преодолет сегодняшнее междуцарствие, этот человек уже через несколько шагов по скользкой дорожке увидит перед собой прокурора. Тот, кто борется с этой концепцией частной собственности, лишь доказывает, что немецкие понятия о чести и долге в нем перегорели, а на их место пришли еврейские.

Еще более резкую позицию по вопросу о частной собственности NSDAP занимает в отношении собственности на землю. Это ни в коем случае не товар, не результат человеческого изобретения или детородного труда, а частица космоса, необходимое условие жизни национальной общности, которую из поколения в поколение защищали своей кровью на границах страны. Национал-Социалист Грегор Штрассер в свое время очень красиво сформулировал эту взаимосвязь: если бесхозный рабочий, студент, художник, ученый, вообще городской житель защищает своим телом клочок земли фермера-землевладельца, то он имеет право и на то, чтобы эта защищенная земля не пришла в упадок, не залежалась и даже не была продана враждебным иностранцам. Земледелец кормит народ, земледелец, таким образом, является предпосылкой всего для жизни нации, и эта нация, организованная как государство, защищает свободу и плоды его труда. Поэтому земля не является товаром, она не должна быть объектом спекуляции, более того, подлинно народное государство должно оставлять за собой право не только превращать частную собственность в общественную за соответствующую компенсацию для необходимых общественных целей, но и право безвозмездной экспроприации земли в случае необходимости - при нанесении серьезного ущерба всему обществу. Все это вместе взятое и есть смысл нашего глубоко оправданного § 17, против которого так ненавистно борется весь либеральный мир. Адольф Хитлер в 1928 г. дал краткое разъяснение, дополненное в марте 1930 г. сельскохозяйственной программой (см. приложение).

Школа и право - великие рычаги государственного воспитания, пресса и литература (сегодня также кино и радио) - средства воздействия на широкие слои населения, которые должны находиться под его бдительным надзором. Крики о "свободе прессы" стоят на том же уровне, что и требования о свободе распространения не только здоровой пищи, но и всех ядов. Х. Ст. Чемберлен уже приводил сравнение, что подобно тому, как государство создало рыночную полицию для защиты населения от вредных стимуляторов, оно должно быть начеку и против попыток отравить нас психически. Современное "государство" тоже ввело закон об оружии, но не для защиты национальной чести, психического здоровья народа, а для защиты сегодняшней "формы правления" и ее живых и мертвых министров. (На основании этого закона один из главных президентов-марксистов даже запретил газету за то, что она опубликовала карикатуру на Бармата). Поэтому все Эйслеры, Эрцбергеры, Хёфле, Бауэры, Шейдеманы, Эберты и тысячи других министерских явлений подпадают под действие параграфов о безнравственности, но называть Германию шлюхой разрешено и популярно (Тухольский), как и изображать немецкую народную армию осквернителями святыни и алтаря и убийцами бельгийцев, чем безнаказанно занимаются, в частности, лидеры центра (пастор Фёрх, доктор Мёниус). Более того, Национал-Социализм не является другом полицейского государства, в котором повсюду фигурирует слово "запрещено"; он, безусловно, противник системы, в которой полицейские начальники или грязные клубы яростно борются с "безнравственностью" или имеют право насильственно вмешиваться в ту или иную форму художественного самовыражения. Однако мы выступаем за создание при Национал-Социалистическом ордене (или сенате) совета по культуре, состоящего из безупречных, чутких людей, которым предоставляется возможность пропагандировать общекультурные взгляды Национал-Социализма в прессе, на радио и т.д., но которые также не должны мешать борющимся художникам всех направлений представлять свои идеи. Именно здесь и проявляется ставка Национал-Социализма на здоровье немцев. После того, как народ будет очищен от враждебных нацистам людей, как только эти противники возрождения Германии будут лишены возможности чувствовать соблазн, гипноз, вызванный "Weltblätter", еврейскими кинотеатрами и радиоприемниками, постепенно отступит и восстановится объективность суждений, что будет сопровождаться общим оздоровлением общественной жизни*.

* Более подробное объяснение природы германского искусства я дал во второй книге моего "Мифа XX века".

Мы оставляем будущему право решать, в какой форме будет осуществляться наша культурная деятельность в театре, изобразительном искусстве, поэзии и т.д. Сегодня мы рассматриваем только тех людей, которые должны быть однажды прогнаны со священных мест немецкого образования, немецкой правовой жизни, из директорских корпусов и академий, и отмечаем тех, кто дал нам немецкие ценности или кто, как молодое поколение, заметно борется за формирование этих ценностей. А затем освобождаем поле для здорового, творческого немца.

6. Символы жизни.

Человек не может постичь и представить мир, жизнь в ее непосредственности. Сущность жизни - ее непрерывная деятельность, а сущность человеческого духа и сознания - прерывная, прерывистая. Без этого духовного биения невозможно ни одно произведение искусства, ни одна вылепленная мысль науки, ни один героический поступок. Это глубокое различие между непрерывным, текучим, органическим процессом жизни и природой нашей воспринимающей способности заставляет нас еще больше различать и доводить до сознания те формы, посредством которых человек присваивает мир, подчиняет его себе или служит ему.

Мнение имеет очень прямое убеждающее или отрицающее воздействие. Понять суть проблемы можно только с помощью схемы разума, а человеком движет воля. По своим вечным законам восприятие всегда работает с символами. Тот, кто хоть раз стоял у могилы Фридриха Великого и Фридриха Вильгельма I в Потсдамской гарнизонной церкви, кто с осознанием смотрел на старые оборванные прусские флаги на стенах, - из этих символических знамен возникает целый мир, величайшие эпохи немецкой истории, величайшие притчи о немецкой силе и немецком самопожертвовании. Это также новый символ, который Национал-Социалистическое движение несет сегодня по улицам немецких деревень и городов, повторяя его в бесконечном количестве. Этот символ прямо показывает нам в цвете и дизайне то, что мы теоретически признаем и внутренне желаем. Из дня в день, из месяца в месяц, из года в год вокруг этого символа группируются новые мысли, новые ценности, новые жертвы, и поэтому символом становится не только само новое знамя, но и люди, которые несут эти флаги. Только люди, обусловленные великими ценностями немецкого народа и имеющие мужество представлять их внешнему миру, могут посвятить себя этому новому символу.

И здесь мы уже видим мистическое соответствие между этими ценностями и идеалами характера и нашим непосредственным восприятием, в том, что средний представитель каждого человечества, сражающегося с нами на одном фронте, также признает расовый идеал, некогда провозглашенный беспристрастными временами через их искусство. Расовый идеал, который и сегодня так же тесно связывает великие женские фигуры афинского фронта Парфенона с фигурой Гудрун и Доротеи Гёте, как греческие мужские фигуры с германским идеалом красоты.

Чем дольше воюют под флагом, символом, тем более священным он становится; он воплощает в себе неизменность идеи, сколько бы тысяч людей ни сжимали кулаки на флагштоке. Я считаю величайшим подвигом Адольфа Хитлера, помимо гениально простой версии идеи нашего времени, то, что он дал Национал-Социализму знамя, которое очень прямо и ярко символизирует великую германскую сущность, вбирает в себя и несет все жертвы и победы во имя этой идеи. Черно-бело-красные цвета напоминают флаги, под которыми Германия в 1914 году вступила в священную войну, чтобы защитить свой народ и родину от тисков извечного врага на Западе. Свастика же переходит через века, тысячелетия и указывает на истоки той силы, из которой когда-то вышло немецкое творчество.

В те времена, когда эта примета путешествовала по миру как знак нордической крови, она символизировала плодородие и восходящую жизнь. Конечно, этот символ восходит к "языческим" временам, но Национал-Социализм не намерен трусливо отрицать единство германо-немецкой сущности и начинать историю Германии, например, с Карла Великого. Даже если впоследствии многое ценное привнесено в германский характер извне, ядро всех возможностей было уже там, когда германский человек открыл глаза. И свастика призвана символизировать это единство.

Против этого символа развернулась ожесточенная борьба со стороны темных людей нашего времени, особенно руководителей Центра (которые постоянно предают нас атеистическому марксизму, полякам и французам), имеющих наглость клеветать на этот символ во имя христианства, что ставит нас на одну ступень с неграми Ашанти. Давайте вслед за этими господами (разглагольствованиями которых пестрит вся центральная пресса) применим те же самые рассуждения к Римской церкви, которую они утверждают, что защищают как стопроцентно антиязыческую и христианскую.

Во-первых, это празднование Рождества - древнегерманского праздника зимнего солнцестояния, а также День Иоанна Крестителя - языческого праздника летнего солнцестояния. Константин ввел воскресенье и Рождество как дни почитания Гелиоса. Для Пасхи христианство заимствовало не только имя германской богини весны Остары, но и ее смысл воскрешения из зимней ночи, а также ее символ - яйцо как знак плодородия. И если господа борются с вотанизмом, то им следует честно объяснить, что святой Освальд и святой Мартин представляют собой не что иное, как два переименования Вотана с теми же символами плаща и копья, которые к ним прилагаются.

Значительной во всей этой неправдивой борьбе за оскорбление свастики является попытка представить ее как фальсификацию христианского креста. Эта попытка свидетельствует о том, что проповедники христианских церквей не имеют ни малейшего представления о происхождении символа, который они всю жизнь носят на груди. Символ свастики, зародившийся в самом сердце Европы, является одним из многочисленных небесных и солнечных знаков. Небо и солнце изображались в виде круга, в виде колеса со спицами, в виде равнобедренного креста, в виде свастики. Из центра Европы легендарный символ попал в Грецию, где Шлиман обнаружил его в Трое (в поселении 2500 лет до н.э.). Оттуда он распространился со скандинавскими стадами как символ органической, пробуждающейся жизни в Индию, где впервые появился около 500 г. до н.э. и впоследствии стал вторым по значимости священным символом Будды. Вместе с буддизмом свастика попала в Китай и рассматривается здесь (нарисованная в круге) как знак бесконечности. В другом направлении германские племена принесли этот символ в Англию, а скандинавские - в Рим. В катакомбах мы находим свастику рядом с так называемым христианским крестом, который имел то же происхождение и то же значение. Христианский крест как знак римского пыточного кола вообще не признавался более 200 лет; еще Минуций Феликс в III в. выступал против языческого "христианского" креста, пока с этим символом не перестали бороться, а пыточный кол Христа (имевший не крестообразную, а Т-образную форму) был назван символом, который невозможно искоренить.

Наряду с "христианским" крестом свастика появлялась на епископских митрах, монетах, алтарных покрывалах, соборах и даже в католических молитвенниках ("Бенедиктинский молитвенник Байрона") вплоть до XVI века; ее можно найти даже высеченной из камня на скамье для причастия в церкви Святого Мартина в Трире, построенной в 1912 году, и в рисунке окна на главном фасаде этой церкви. Но когда немецкое движение за свободу высекает древнегерманский символ в старом смысле как приверженность к созидательному действию, к крови и национальной обороне, лицемерная пресса разглагольствует о "язычестве".

И наоборот, мы спрашиваем: является ли христианством то, что "католический" Центр передал всю власть в Пруссии атеистическим социал-демократам? Христианским ли является выдвижение Центром в качестве кандидата в депутаты Райхстага лидера берлинской еврейской общины сиониста Карески? Разве это христианство, если международные встречи безбожников могут проходить в Берлине под присмотром министров Центра?

Это должно было бы быть прекрасным христианством, если бы кто-то имел наглость провозглашать это христианской политикой!

Но это происходит. Но в то же время в Германии пробуждается стремление к чистоте и чести. И именно поэтому, и только поэтому, против нас как никогда бушует битва за центр. Но и этому сокрытию когда-нибудь придет конец. И противники поймут, какое великое объединяющее действие оказывает знамя со свастикой на всех сознательных немцев, которым больше не на что надеяться.

Свастика не обязательно должна быть враждебна христианскому кресту. NSDAP никогда не боролась против креста как такового; только Центр с самого начала имел право оскорблять "знак язычника", отрицать и очернять ценности крови. Таким образом, эта партия идет по пути фальсификации христианского креста в знак расового хаоса, и не наша вина, если церковные власти не защищаются от такого использования религиозного мирового символа в нечистых партийно-политических целях.

Христианский крест - религиозный символ, свастика - расово-политический знак борьбы. Разница (и дополнение) обеих притч для N.S.D.A.P., таким образом, ясно выражена для всех, кто еще сохранил добрую волю. Когда католики и протестанты S.A. хотели со своими знаменами посетить церкви своих конфессий, священники кое-где их пускали, но в подавляющем большинстве случаев им отказывали. Сегодня на главных алтарях итальянских католических церквей вывешен государственный флаг с фашистским символом, несомненно, также являющимся "языческим" символом времен дохристианской Римской империи. Итальянский Папа не возражает против этого, равно как и против исполнения королевского гимна на органах итальянских церквей. Что правильно для одного католика, то правильно для другого. Если и в католических кругах Германии существует ожесточение против церковных властей, яростно выступающих против Национал-Социализма и отвергающих символ возрождения Германии в местах отправления религиозных обрядов, то это вина ответственных церковных властей.

Все проявления нашей жизни, которые хотят выразить что-то внутреннее, в конечном счете, символичны. Все буквы, все слова, весь язык также придуманы определенной общностью и признаны ею как притчи, символы, чтобы создать посредническую, чисто символическую связь между внутренним, которое никак не совпадает с внешним. Звук - тоже часть этого, но прежде всего цвет, линия и рисунок. Каким бы тонким и многогранным ни был инструмент языка и письма, глаз - это самый непосредственный инструмент, с помощью которого мы осязаем и постигаем внешний мир. Поэтому символ глаза всегда будет сильнее, чем сознание рационального соглашения, потому что символ света ведет непосредственно от глаза к разуму, к воле. И пока это так, душа остается здоровой.

*

На момент написания этой статьи в рядах NSDAP насчитывается 200 человек, которые своей жизнью скрепили верность грядущему Райху. Они не пали в открытых лобовых боях, они были атакованы, зарезаны, застрелены и затоптаны насмерть "Красным фронтом", "Райхсбаннером" (в последнее время и "Кройцшаром" Центра) во время службы движению. Их отстреливали с велосипедов, когда они ехали домой с собраний, их искали в домах, выкалывали глаза (Партийный товарищ Сенфт) и убивали. Красная убийственная пресса публиковала имена и адреса наших бойцов SA и SS, чтобы подстрекать к преступности, и поэтому все они погибли - Кютемайер, Хиршманн, Вессель, Тильш, Вобис, Штайнбах, Гарте... В основном бедные рабочие, которые совершили единственное преступление - любили Германию больше, чем себя. Кроме этих погибших, более 8000 бойцов SA и SS несут на своих телах раны страшной гражданской войны, раны, которые были унесены домой во время бесчисленных нападений, бушевавших в Германии, и на которые буржуазная пресса не обращала никакого внимания. В сентябре 1931 г. мы насчитали почти 50 раненых в день - но еврейская пресса Берлина и Франкфурта только усиливала их ярость.

И наряду с мужчинами мы чтим память женщин Национал-Социалистов, которым наша идея - символ свастики - дает силы каждый день отпускать своих мужей, сыновей и братьев на улицу, не зная, вернутся ли они. Этот молчаливый героизм также показывает нам, что, преодолев дух ноября 1918 года, мы вновь вступили в великую героическую эпоху для немецкого народа. В Национал-Социалистическом движении, которое все "правые" клеймят как "женоненавистническое", немецкая женщина только-только пробудилась к самосознанию. Великий опыт освободил ее не только от нелепых барьеров и преград, от высокомерного стеснения своей личности, но и от тех литературных дам, которые сегодня влачат свое праздное существование лишь как объекты насмешек в парламентских клубах. Великая беспристрастность была восстановлена NSDAP, и немецкая женщина в нашем движении знает, что немецкие мужчины также борются за ее свободу и уважение. Будущее покажет, насколько нужны Германии эти Национал-Социалистические женщины.

*

И, наконец, несколько примеров, которые сами по себе символичны.

В Тироле хитлеровский юноша тяжело ранен в голову коммунистом. Священник появляется, чтобы совершить последний обряд, но требует, чтобы он отрекся от Хитлера. Мужественный юноша, борясь со смертью, отказывается... Он выздоровел и продолжает бороться по сей день.

В конце 1930 года на борца из SA Фридриха Вайнштейна напали коммунисты и закололи его ножами. В объятиях своих товарищей он произнес слова: "Хитлер, я с радостью умру за тебя... Мама, я умираю".

В июне 1931 г. во время партийной конференции "ГАУ Саксонии" в Хемнице коммунистами был застрелен партийный товарищ Эдгар Штайнбах и смертельно ранен партийный товарищ Генрих Гутше. Адольф Хитлер навестил нападавшего. Увидев Фюрера, он еще раз простер свое пронзенное тело, поднял руку в последнем приветствии, заикаясь произнес "Хайль Хитлер" и умер.

В июне 1931 года группа SA в Бремене подверглась нападению большого количества коммунистов. SA отступили, защищая свой флаг, а 31-летний рабочий и член SA Госсель был убит. Его предсмертным желанием было быть похороненным в коричневой рубашке.

В августе 1931 г. в Лимбахе (Саксония) коммунисты расстреляли возвращавшихся Национал-Социалистов. Был смертельно ранен Герберт Гробе, 23 лет. Его последними словами были слова о том, что скоро будет создан Третий Райх.

Все это - первобытные свидетельства германо-немецкой природы. Они исходят не только от вечно верного крестьянского комка, нет - и это действительно великая вещь - они доходят до нас из бедных, лишенных света и воздуха рабочих квартир. Из космополитического города, убивающего природу и характер, доносятся эти заикающиеся звуки безоглядной верности, того великого сознания верности, которое ожило в вождях и флагах: сокрушительный миф в наше, казалось бы, безмифическое, бессодержательное время, враждебное всему благородному. В то же время эта жертва во имя будущего, которое видно лишь в общих чертах, - религия.

Религия в прямом смысле слова - это не внешнее признание каких-то догм, церковных утверждений или традиционных практик, но там, где человек отважно служит высшим ценностям, там есть Бог, там метафизическое в человеке стало реальностью. Это доказывает не смерть, а сама жизнь, даже если именно смерть впервые доводит до полного сознания эту реализованную религию. Но люди, которые сопровождают массового убийцу (как Кюртен) на пути к эшафоту со всеми утешениями церкви, но в то же время отказывают верному, сознающему свою честь человеку, который самоотверженно работал для своего народа (как Национал-Социалист Гемайндер, умерший от сердечной недостаточности после собрания), в церковном отпевании, потому что он не "раскаялся" (в своем служении своему народу в нашем лагере), эти люди не с Богом, а с дьяволом.

Поэтому борьба, которую ведет Национал-Социалистическое движение, - это не просто церковная общность, это живая религия, метафизика действия, и все религиозные и церковные общины, к которым принадлежат эти Национал-Социалисты (протестанты, католики, немецкие церковники и т.д.), получают через них новое освящение и приток новых высоких ценностей. Они должны благодарить их, а не хулить и преследовать, как это часто бывает.

Но как бы то ни было, NSDAP ведет свою борьбу не на почве каких-то церковных конфессий, а на поле борьбы за власть с силами хаоса, бесчестия и уничтожения народа. Здесь символ свастики выступает как единственный реальный враг сегодняшней советской звезды, которая является притчей не только одного большевизма, но и всех систем и людей, духовно и политически его подготовивших: либерализма, социал-демократии и центра.

Свастика, однако, не признает удовольствий и символов пышной буржуазии прошлого. Она не считает мир выше борьбы, а ценит саму борьбу как творческое рождение культуры и подлинной государственности.

Тысячи проливших кровь, сотни тысяч тех, кто сегодня уже ежедневно сталкивается с разъяренной толпой на передовой, с предательскими трусами за спиной, уже являются тому свидетелями. Рядом с железными буквами вождей эти имена занесены в книгу истории Германии. И в заключение я хочу сказать слова, сказанные одним из руководителей SA на могиле убитого нами дюссельдорфского эсэсовца Вобиса: "Спи спокойно, товарищ, в темной земле! Скоро над могилами с развевающимися флагами и дерзкими шагами пронесутся коричневые батальоны и, мстя за тебя, будут сражаться за Райх, за который ты пал".

Программа

Национал-Социалистическая Немецкая

Рабочая Партия

Программа Немецкой Рабочей Партии является временной программой. После реализации настоящей программы, партийные руководители отказываются от попыток выдвижения новых программных целей только лишь для того, чтобы обеспечить дальнейшее существование партии посредством искусственного наращивания недовольства в народных массах.

1. Мы требуем объединения всех немцев в Великую Германию на основе права народов на самоопределение.
2. Мы требуем равноправия для немецкого народа наравне с другими нациями и отмены положений Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.
3. Мы требуем жизненного пространства: территорий и земель (колоний), необходимых для пропитания нашего народа и для расселения его избыточной части.
4. Гражданином Германии может быть только тот, кто принадлежит к немецкой нации, в чьих жилах течёт немецкая кровь, независимо от религиозной принадлежности. Таким образом, ни один еврей не может быть отнесён к немецкой нации, а также являться гражданином Германии.
5. Тот, кто не является гражданином Германии, может проживать в ней как гость, на правах иностранца. Каждый иностранец обязан соблюдать требования законодательства об иностранцах.
6. Право занимать должности, связанные законотворчеством, а также управлением государством, может принадлежать исключительно гражданам. Поэтому мы требуем, чтобы все должности в любой публичной организации, любого уровня — общегосударственные, областные или муниципальные — занимали только граждане государства. Мы боремся против разлагающей парламентской практики занятия должностей только в зависимости от партийной принадлежности без учёта характера и способностей.
7. Мы требуем, чтобы государство в первую очередь обязалось заботиться о трудоустройстве и жизни граждан Германии. Если невозможно прокормить всё население государства, то лица, принадлежащие к чужим нациям (не граждане государства), должны быть высланы из страны.

8. Вся дальнейшая иммиграция в Германию лиц ненецкого происхождения должна быть приостановлена. Мы требуем, чтобы все лица ненецкого происхождения, которые иммигрировали в Германию после 2 августа 1914 года, были выдворены из государства.

9. Все граждане государства должны обладать равными правами и обязанностями.

10. Первейшей обязанностью для каждого гражданина Германии является выполнение умственной или физической работы. Деятельность каждого отдельного гражданина не должна противоречить интересам общества в целом. Напротив, такая деятельность должна протекать в рамках общества и быть направленной на общую пользу.

Поэтому мы требуем:

11. Уничтожения нетрудовых и лёгких доходов, а также

Сломления процентного рабства.

12. Ввиду огромных человеческих жертв и имущественных потерь, требуемых от нации при каждой войне, личное обогащение во время войны должно рассматриваться как преступление против нации. Таким образом, мы требуем полной конфискации всех прибылей, связанных с личным обогащением в военное время.

13. Мы требуем национализации всех (ранее) созданных акционерных предприятий (трестов).

14. Мы требуем участия рабочих и служащих в распределении прибыли крупных коммерческих предприятий.

15. Мы требуем разработки и создания по-настоящему достойного пенсионного обеспечения.

16. Мы требуем создания здорового среднего сословия и его сохранения, а также немедленного изъятия из частной собственности крупных магазинов и сдачи их внаём, по низким ценам, мелким производителям. Мы требуем ведения достаточно строгого учёта по поставкам товаров от мелких производителей, осуществляемых на основании государственных заказов, заказов общин и земель.

17. Мы требуем проведения земельной реформы, отвечающей нашим национальным потребностям, создания закона о свободной экспроприации земли для благотворительных целей. Отмена земельной ренты и предотвращение всякой спекуляции землей*.

18. Мы требуем безжалостной борьбы против тех, кто своей деятельностью вредит интересам общества. Мы требуем введения смертной казни для преступников, совершивших преступление против немецкого народа, ростовщиков, спекулянтов и др., вне зависимости от их религиозной или расовой принадлежности.

19. Мы требуем замены римского права, служащего интересам материалистического мирового порядка, немецким народным правом.

* Адольф Хитлер выступил 13 апреля 1928 г. со следующим заявлением по этому пункту программы:

Заявление.

В связи с нелепыми интерпретациями пункта 17 программы NSDAP со стороны наших противников необходимо сделать следующее заявление. Поскольку NSDAP стоит на почве частной собственности, то совершенно очевидно, что в пункте "безвозмездная экспроприация" речь идет только о создании благоприятных возможностей для экспроприации в случае необходимости земли, приобретенной незаконно или не управляемой в соответствии с принципами народного благосостояния. Соответственно, это направлено в первую очередь против еврейских компаний, занимающихся спекуляцией землей.

Мюнхен, 13 апреля 1928 г.

Подпись. Адольф Хитлер.

20. Чтобы обеспечить каждому способному и старательному немцу возможность получить высшее образование и занять руководящее положение, государство должно заботиться о всестороннем широком развитии всей нашей системы народного образования. Программы всех учебных заведений должны быть приведены в соответствие с требованиями практической жизни. С самого начала развития сознания ребёнка школа должна целенаправленно обучать его пониманию идей государственности. Мы требуем, чтобы особо талантливые дети бедных родителей, несмотря на их положение в обществе и род занятий, получали бы образование за счёт государства.

21. Государство должно направить все усилия на оздоровление нации: обеспечить защиту материнства и детства, запретить детский труд, улучшить физическое состояние населения путём законодательного введения общеобязательных тренировочных занятий и физических упражнений, поддержки клубов, занимающихся физическим развитием молодёжи.

22. Мы требуем ликвидации наёмного войска и создания народной армии.

23. Мы требуем открытой политической борьбы против заведомой политической лжи и её распространения в прессе. С целью создания немецкой прессы мы требуем, чтобы:

а) все сотрудники, редакторы и издатели немецких газет, печатающихся на немецком языке, были гражданами государства;

б) ненемецкие газеты должны получать специальное разрешение государства на издание. При этом они должны издаваться на ненемецком языке;

в) лицам ненемецкой национальности законодательно запрещается иметь любой финансовый интерес или влияние на немецкие газеты. В наказание за нарушения данного закона такая газета будет запрещена, а иностранцы немедленно депортированы. Газеты, приносящие вред интересам общества, должны быть запрещены. Мы требуем введения

законодательной борьбы против литературных и культурных течений, оказывающих разлагающее влияние на наш народ, а также запрещения всех мероприятий, способствующих этому разложению.

24. Мы требуем свободы всех религиозных конфессий в государстве в той мере, в какой они не ставят под угрозу его существование и не нарушают чувство морали и нравственности германской расы.

Партия как таковая представляет точку зрения позитивного христианства, не привязывая себя к какой-либо конкретной конфессии. Она борется против еврейского материалистического духа внутри и вне нас и убеждена, что прочное оздоровление нашего народа может произойти только изнутри на основе позитивного христианства:

Общее благо превыше корысти.

25. Мы требуем реализации всего этого: Создание сильной центральной власти империи. Безусловная власть центрального политического парламента над всей империей и ее организациями в целом.

Формирование сословных и профессиональных палат для проведения в жизнь рамочных законов, принятых империей в отдельных федеративных государствах.

Лидеры партии обещают, если потребуется, рискуя собственной жизнью, беспощадно отстаивать реализацию вышеуказанных пунктов.

Мюнхен, 24 Февраля 1920.

Под. Адольф Хитлер.

Партийный официальный митинг.

Орг. Подр. II.

Мюнхен, Март 1930.

1. Значение сельского населения и сельского хозяйства для немецкого народа

Значительную часть своих жизненных расходов немецкое население покрывает за счет импорта иностранных продуктов питания. До мировой войны мы могли оплачивать этот импорт за счет доходов от нашего промышленного экспорта, нашей торговли и наших капиталов, вложенных за границей. В результате мировой войны эта возможность была для нас закрыта.

Сегодня мы оплачиваем импорт продовольствия в основном за счет заемных иностранных денег. Это ведет к тому, что немецкий народ все глубже попадает в долговую кабалу к высокому международному финансированию. Если такое положение дел сохранится, то это приведет к еще большему обездоливанию немецкого народа. Заблокировав кредиты и, соответственно, поставки продовольствия, т.е. подвесив житницу, она может заставить немецких пролетариев, в частности, работать на себя за голодную зарплату или быть отправленными в иностранные колонии в качестве трудовых рабов.

Освобождение от этого рабства возможно только в том случае, если немецкий народ сможет по существу прокормить себя за счет собственной земли.

Поэтому увеличение продукции отечественного сельского хозяйства стало для немецкого народа вопросом жизни и смерти.

Однако экономически здоровое сельское население, обладающее покупательной способностью, имеет решающее значение и для сбыта нашей промышленности, которая в будущем будет все больше опираться на внутренний рынок.

2. Пренебрежение к крестьянству и пренебрежение к сельскому хозяйству в современном немецком государстве

При всей биологической и экономической значимости фермерского сообщества и в противоречии с насущной потребностью в увеличении производства сельскохозяйственной продукции сохранение экономически здорового фермерского сообщества в современной Германии находится под серьезнейшей угрозой.

Значительному увеличению сельскохозяйственного производства, которое само по себе возможно, препятствует отсутствие необходимых производственных ресурсов из-за растущей задолженности фермеров, а также отсутствие стимулов к увеличению производства, поскольку сельскохозяйственный труд перестает быть прибыльным.

Причины такой недостаточной оплаты (рентабельности) сельскохозяйственного труда следует искать: 1:

1. в нынешней налоговой политике, которая ложится относительно тяжелым бременем на сельское хозяйство. Это объясняется партийно-политическими соображениями и тем, что еврейская мировая денежная власть, фактически правящая в германской парламентской демократии, желает уничтожения немецкого сельского хозяйства, так как тогда немецкий народ, особенно рабочая сила, окажется полностью в ее власти.

2. в конкуренции с иностранным сельским хозяйством, производящим продукцию в более благоприятных условиях, которая недостаточно сдерживается враждебной сельскому хозяйству таможенной политикой.

3. в неприемлемо высоких прибылях, которые присваивает себе оптовая торговля сельскохозяйственной продукцией, находящаяся между производителем и потребителем и находящаяся сегодня в основном в руках евреев.

4. в непомерно высоких ценах, которые фермер вынужден платить преимущественно еврейским корпорациям за искусственные удобрения и электроэнергию.

Высокие налоги уже не могут быть оплачены за счет доходов от низкооплачиваемого фермерского труда. Фермер вынужден брать на себя долги, по которым ему приходится платить ростовщические проценты. Он все глубже попадает в процентную кабалу и в конце концов теряет свой дом и ферму в пользу преимущественно еврейских владельцев ссудного капитала.

Немецкое крестьянство вытесняется.

3. в будущей империи, к которой мы стремимся, должно действовать германское земельное право и проводиться германская земельная политика

Радикального улучшения положения сельского населения и подъема сельского хозяйства нельзя ожидать до тех пор, пока Германским Райхом фактически управляют международные денежные бароны при помощи парламентско-демократической системы правления, ибо они стремятся к уничтожению германских земельных сил.

Только в новом германском государстве, к которому мы стремимся и которое имеет иную природу, сельскому населению и сельскому хозяйству будет уделено должное внимание в силу их важности как основы истинно германского народного государства.

В этой будущей империи будет действовать германское земельное право и проводиться германская земельная политика.

Из этого вытекают следующие требования:

1. Немецкая земля, которой владеет и которую защищает немецкий народ, служит для проживания и жизнеобеспечения всего народа. Поэтому в этом смысле она должна управляться отдельным землевладельцем.
2. Только граждане Германии могут быть владельцами немецкой земли.
3. Земля, законно приобретенная гражданами Германии, признается наследственной собственностью.

Однако это право собственности связано с обязательством использовать землю на благо всего народа.

Контроль за выполнением этого обязательства возложен на профессиональные суды, состоящие из представителей всех профессиональных групп населения, занимающегося сельским хозяйством, и представителя государства.

4. немецкая земля не должна использоваться для финансовых спекуляций и приносить владельцу безработный доход. В будущем земля может приобретаться только теми, кто хочет сам заниматься ее обработкой.

Таким образом, государство имеет право преимущественной покупки при любой продаже земли.

Передача земли в залог частным кредиторам запрещена.

Фермеры могут получать необходимые операционные кредиты на льготных условиях от своих признанных государством профессиональных кооперативов или от государства.

5. За использование немецкой земли ее владелец должен платить государству налог, рассчитываемый в зависимости от размера и характера земли. Этот налог на доходность земли делает устаревшим любое дальнейшее государственное налогообложение сельскохозяйственных земель и работ.

6. Не может быть схематичного регулирования размеров сельскохозяйственных угодий.

Большое количество жизнеспособных мелких и средних хозяйств особенно важно с точки зрения государственной политики.

Однако и крупные хозяйства выполняют свои особые необходимые задачи и оправданы в здоровом соотношении со средними и мелкими хозяйствами.

7. Право наследования на землю должно регулироваться правом наследования таким образом, чтобы избежать дробления земельных владений и бремени долгов для хозяйства.

8. Государство имеет право на экспроприацию за адекватную компенсацию:

а) земли, которая не принадлежит гражданам Германии;

б) земли, которая, по мнению компетентного профессионального суда, больше не служит нуждам народа вследствие безответственного управления со стороны ее владельца;

в) частей крупных поместий, не обрабатываемых самими оккупантами с целью заселения свободным крестьянством;

г) земель, необходимых для особых государственных целей (например, транспортные сооружения, оборона страны) в интересах всего народа.

Земли, приобретенные незаконно (в соответствии с немецким законодательством), экспроприируются бесплатно.

9. задачей государства является плановая колонизация освободившихся земель - в соответствии с основными соображениями демографической политики. Земля выделяется поселенцам в качестве наследственных вотчин при начальных условиях, обеспечивающих жизнеспособную экономику.

Претенденты отбираются с учетом их гражданской и профессиональной пригодности в качестве переселенцев. Особое внимание уделяется сыновьям крестьян, не имеющим права наследования (см. пункт 7).

Особое значение имеет заселение приграничных районов на востоке страны. Однако его нельзя удовлетворительно решить только за счет создания фермерских хозяйств, а только в связи с развитием сельских городов с покупательной способностью в сочетании с перегруппировкой промышленных предприятий. Только так можно создать те возможности абсорбции, которые сделают жизнеспособными вновь создаваемые средние и мелкие фермерские хозяйства.

Задача внешней политики Германии - масштабное создание продовольственного и поселенческого пространства для растущей немецкой нации.

4. фермерское сообщество должно быть экономически и культурно быть возвышенным

Задача государства - содействовать экономическому и культурному подъему крестьянства в соответствии с его значением для всего народа и тем самым устранить одну из главных причин оттока сельского населения.

1. Нынешнее угнетенное положение сельского населения должно быть облегчено прежде всего налоговыми и другими специальными мерами. Дальнейшая задолженность сельского хозяйства должна быть остановлена путем резкого снижения процентной ставки за ссудный капитал до уровня довоенного времени и строжайшего пресечения ростовщичества.

2. Государство должно своей экономической политикой обеспечить рентабельность сельскохозяйственного труда

Отечественное сельскохозяйственное производство должно субсидироваться за счет таможенных пошлин, государственного регулирования импорта и целенаправленной национальной политики.

Ценообразование на сельскохозяйственную продукцию должно быть выведено из-под влияния биржевых спекуляций, а эксплуатация фермеров оптовой торговлей должна быть предотвращена. Захват оптовой торговли сельскохозяйственной продукцией сельскохозяйственными кооперативами должен поощряться государством.

Перед профессиональными сельскохозяйственными организациями стоит задача снижения издержек производства для фермеров и увеличения объемов производства. (Поставка сельскохозяйственной техники, удобрений, семян, племенного скота на льготных условиях, мелиорация, борьба с вредителями, бесплатные сельскохозяйственные консультации и химические анализы почвы и т.д.) При выполнении этих задач профессиональные организации должны в значительной степени поддерживаться государством. В частности, государственное вмешательство должно заставить существенно снизить цены на искусственные удобрения и электроэнергию.

3. Профессиональные организации также обязаны прочно интегрировать профессиональную группу сельскохозяйственных работников в фермерское сообщество путем заключения социально справедливых трудовых договоров. Государство имеет право контроля и является верховным арбитром.

Трудоспособному сельскохозяйственному работнику должна быть предоставлена возможность стать поселенцем.

Необходимое улучшение жилищных условий и заработной платы сельскохозяйственных рабочих будет тем более быстрым и масштабным, чем больше улучшится положение сельского хозяйства в целом. Улучшение положения отечественных сельскохозяйственных рабочих и предотвращение оттока населения из сельской местности сделают привлечение иностранных сельскохозяйственных рабочих ненужным и, следовательно, запрещенным в будущем.

4. Значимость крестьянства для народа требует государственной и профессиональной поддержки специализированного обучения и возрождения крестьянской культуры. (Сельские молодежные центры, фермерские колледжи с широкими льготами для обездоленной, талантливой сельской молодежи).

5. Профессиональные экономические организации не могли помочь крестьянству, а только политическое немецкое движение за свободу NSDAP.

Сегодняшнее тяжелое положение крестьянства - это часть тяжелого положения всего немецкого народа.

Ошибочно полагать, что отдельная профессия может исключить себя из немецкого сообщества судьбы, и преступно называть сельских жителей и горожан противоположностями, которые, к счастью или к худшему, связаны друг с другом.

Экономические средства в рамках господствующей политической системы не могут привести к радикальному улучшению ситуации, ибо бедственное положение немецкого народа коренится в его политическом порабощении, освободиться от которого можно только политическими средствами.

Старые правящие политические партии, которые привели наш народ к порабощению, не могут быть лидерами на пути к освобождению.

Профессиональные организации призваны решать важные экономические задачи в нашем будущем государстве и уже сегодня могут вести подготовительную работу в этом смысле, но они непригодны для политической борьбы за освобождение, которая должна прежде всего создать основу для нового экономического строя, ибо эта борьба не может вестись с позиций отдельной профессии, а должна вестись с позиций всего народа.

Борьба за свободу против наших угнетателей и их фрондирующих правителей может быть успешно проведена только политическим движением за свободу, которое, полностью признавая значение деревни и сельского хозяйства для всего народа, объединяет немецкое сознание всех классов и слоев немецкого народа.

Таким политическим свободным движением немецкого народа является NSDAP.

под. Адольф Хитлер.

Важнейшие произведения Национал-Социализма:

- 1. Моя Борьба – Адольф Хитлер.**
- 2. Программа NSDAP и её основополагающие идеологические идеи. – Г.Федер.**
- 3. Национал-Социализм и Католическая церковь. С ответом на заявления немецких епископов. – Др. Йох. Старк.**
- 4. Национал-Социализм и Подготовка учителей. - Др. Йох. Старк.**
- 5. Манифест о сломиении кабалы процента. – Г. Федер.**
- 6. Золото и Кровь. Путь и Хаос. – Отто Бангерт.**
- 7. Немецкая революция. Книга о битве за Третий Райх. - Отто Бангерт.**

Чего хочет Адольф Хитлер? (Программа NSDAP.)

Да, но что говорит сам Хитлер? Подборка Г. Пассова.

Проклятые свастиковцы! Есть над чем задуматься, Доктор Йоз. Гёббельс.

Наци-Соци. Вопросы и ответы для Национал-Социалиста. Йоз Гёббельс.

Сигнал к отъезду. Речь человека, которому было запрещено говорить в Пруссии. Выступление д-ра Йозефа Гёббельса.